

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

СТРАЖА! СТРАЖА!

Guards! Guards!

Плоский мир

Терри Пратчетт
Стража! Стража!

«ЭКСМО»

1989

Пратчетт Т.

Стража! Стража! / Т. Пратчетт — «Эксмо», 1989 — (Плоский мир)

ISBN 5-699-17431-1

«Двенадцать часов ночи, и все спокойно!» – таков девиз Ночной Стражи Анк-Морпорка, самого славного города на всем Плоском мире. А если «не все» спокойно, значит, вы просто ходите не по тем улицам. А вообще, чтобы стать настоящим ночным стражником, нужно приложить немало усилий. Во-первых, следует научиться бегать не слишком быстро – а то вдруг догонишь? Во-вторых, требуется постичь основной принцип выживания в жестоких схватках – просто не участвуйте в таковых. В-третьих, не слишком громко кричите, что «все спокойно», – вас могут услышать. Книга, которую вы держите в руках, поистине уникальна. Она поможет вам не только постичь основные принципы выживания в этом жестоком, суровом мире, но и сделать достойную карьеру. Пусть даже ночного стражника...

ISBN 5-699-17431-1

© Пратчетт Т., 1989

© Эксмо, 1989

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

55

Терри Пратчетт Стража! Стража!

Порой их называют Дворцовой Стражей, иногда – Городскими Стражниками или просто Гвардией. Независимо от названия пылкая фантазия авторов героической фэнтези находит для них одно-единственное и неизменное предназначение, а именно: где-нибудь в районе третьей главы (или на десятой минуте фильма) ворваться в комнату, по очереди атаковать героя и быть уложенными на месте. Хотят они исполнять сию незавидную роль или нет, никто их не спрашивает.

Этим замечательным людям и посвящается данная книга.

А также – Майку Гаррисону, Мэри Джентл, Нилу Гейману и всем остальным, кто помог в разработке идеи Б-пространства и смеялся над ней; жаль, что у нас так и не дошли руки до Обложки Шредингера...

Вот куда ушли все драконы.

Они лежат...

Но о них не скажешь, что они умерли или спят. Можно счесть, будто они затаились в ожидании, но нет, ведь ожидание подразумевает под собой надежду. Возможно, самым удачным определением здесь будет...

...Они дремлют.

И хотя занимаемое ими пространство нельзя назвать обычным пространством, упакованы они там довольно тесно. Каждый кубический дюйм занимает коготь, лапа, чешуйка или кончик хвоста – так что общее впечатление примерно такое же, как от картинки-головоломки: глаз долго рассматривает узор, и вдруг ваш мозг осознает, что пространство вокруг каждого из драконов есть, по сути дела, еще один дракон.

Вся эта картина наводит на мысли о банке с сардинами, если бы о сардинах можно было сказать, что они огромны, покрыты чешуей, горды и высокомерны.

И предположительно, где-то существует такая штука, как открывалка.

Это же время, но совершенно иное пространство. В Анк-Морпорке, древнейшем, крупнейшем и грязнейшем из всех городов мира, было раннее утро. Серое небо источало мелкую морось, испещряющую точками клубящийся по улицам речной туман. Разных видов крысы занимались своими ночными делами. Под влажным покровом ночи убийцы убивали, воры воровали, потаскухи потаскушничали. И так далее.

Пьяный капитан Ваймс медленно, спотыкаясь на каждом шагу, прошел по улице и осторожно рухнул в сточную канаву неподалеку от штаб-квартиры Ночной Стражи. Он тихо лежал там, а у него над головой странные, светящиеся буквы шипели во влажном воздухе и меняли цвет...

Эт' город, он это... ну, это... как его там... Такая штука. *Женщина*. В-вот что он такое. Бабища. Рокочущая, древняя, многовековая. Эт' женщина затягивает тебя, позволяет тебе в... в... как это... влюбиться в нее, п'том пинает тебя в это... это... есть такая штука... Которая во рту. Зев. Зоб. В *зубы*. Ага, прям туда и пинает. Она такая... ну, это, ты знаешь, собачья женщина. Щенок. Самка. *Сука*. И ты ненавидишь ее, а п'том, как раз тогда, когда думаешь, что уже вышвырнул ее из своего, своего, как его там, ладно, не важно – в эт' самый момент она открывает тебе свое огромное грохочущее прогнившее сердце, выбивает тебя из... рав, равн, такая штука. Ты весишь – оттуда и выбивает. В-вот оно как. Никогда не знаешь, что будет в следующую минуту. Где ты стоишь. То есть лежишь. Единственное, что ты знаешь точно, – это что не можешь без нее. Потому что, потому что она твоя, все, что у тебя есть, даже когда она сожрет тебя и ты окажешься у нее в брюхе, в этой сточной канаве...

Влажный мрак окутал освященные веками здания Незримого Университета, главного учебного заведения, выпускающего в большую жизнь волшебников. Единственным осколком света было бледное октаринное поблескивание в крохотных окнах нового здания факультета высокоэнергетической магии – там пронзительные умы испытывали саму ткань вселенной вне зависимости, нравилось это ей или нет.

И само собой, светились окна библиотеки.

Библиотека представляла собой величайшее во всей множественной вселенной собрание магических текстов. Полки гнулись под тяжестью тысяч и тысяч томов с оккультными знаниями.

Такое колоссальное количество магии, собранное в одном месте, способно серьезно искажать окружающий мир, и поэтому обычным законам времени и пространства библиотека не повиновалась. Поговаривали, что эта библиотека простирается отсюда и в вечность. Вообще слухи ходили самые разные: якобы среди уходящих за горизонт полок можно плутать целыми днями; якобы где-то в отдаленных уголках лабиринта скитается племя студентов, заблудившихся в процессе поисков материала для курсовых работ; якобы в забытых альковах, как в засадах, сидят странные существа, чья судьба стать жертвами других, еще более странных, тварей¹.

Наиболее предусмотрительные из студентов, погружаясь в библиотечные дебри, оставляли мелкими пометки на полках, а также просили друзей отправляться на поиски, если они вдруг не вернуться к ужину.

Но поскольку магию можно лишь условно заключить в границы переплетов, то и сами книги в библиотеке представляли собой нечто большее, нежели прессованную древесную массу и бумагу.

Сырая, неприрученная магия с треском прорывалась сквозь корешки, но особого вреда не причиняла, поскольку заземлялась в специальные, прибитые к каждой полке медные поручни. Синее пламя чертило бледные ползучие узоры, и слышался звук, бумажный шелест – подобный может исходить от колонии пристроившихся на ночлег скворцов. То в молчании ночи разговаривали друг с другом книги.

Также было слышно, как кто-то храпит.

Свет, исходяемый полками, не столько разгонял, сколько подчеркивал окружающий мрак, но в сиреневых проблесках внимательный наблюдатель все же мог различить древний, выдавший виды письменный стол, что стоял прямо под центральным куполом.

Храп исходил из-под этого стола. Обрывок изорванного в лохмотья одеяла прикрывал нечто, напоминающее груды мешков с песком, но являющееся на самом деле взрослой особью орангутана мужского пола.

Это был библиотекарь.

В те времена не многие позволяли себе высказываться по поводу его видовой принадлежности. Причиной этого преобразования послужил случайный выброс магии – вещь, всегда возможная там, где хранятся столько могущественных книг, – и считалось, что библиотекарь еще легко отделался. Ведь в общем и целом он сохранил прежнюю форму тела. Кроме того, ему было дозволено продолжать работать в прежней должности, хотя в данном случае слово «дозволено» не совсем подходит. То, как он закатывал верхнюю губу, обнажая огромное коли-

¹ Все это неправда. Истина заключается в том, что пространство способны исказить даже самые обычные книги, и это легко доказывается, достаточно заглянуть в один из по-настоящему старомодных букинистических магазинчиков. Эти магазины – порождение ночного кошмара М. Эшера – содержат в себе больше лестничных пролетов, чем этажей, а еще – ряды полок, которые заканчиваются дверцами, никак не созданными для впуска (а также выпуска) человеческого существа нормальных размеров. Можно даже вывести соответствующее данному случаю уравнение: Знание = сила = энергия = материя = масса. Хороший книжный магазин – это просто-напросто благовоспитанная Черная Дыра, которая умеет читать.

чество невероятно желтых зубов, послужило на университетском совете решающим аргументом, и больше вопрос смещения библиотекаря с должности не поднимался.

Но вдруг раздался еще один необычный звук, нарушивший библиотечную гармонию, – то был скрип открываемой двери. Кто-то, мягко ступая, пересек помещение, тихий топоток растворился среди скоплений полок. Книги возмущенно зашелестели, а некоторые из гримуаров покрупнее загремели цепями.

Убаюканный шепотом дождя, библиотекарь продолжал сладко спать.

В полумиле от него, в объятиях сточной канавы, капитан Ваймс из Ночной Стражи заорал во всю глотку пьяную песню.

А тем временем по серым улицам, перебегая от одного темного подъезда к другому, пробиралась облаченная в черное фигура. Наконец фигура достигла зловещего и неприветливого портала. Сразу чувствовалось, далеко не всякий подъезд может достигнуть такой степени неприветливости. Этот выглядел так, будто касательно его архитектору были даны специальные инструкции. Хочется что-нибудь жуткое из темного дуба, сказали ему. Так что присобачьте над косяком горгулью пострашнее и сделайте так, чтобы кольцо у нее в пасти грохотало, точно поступь какого-нибудь великана. Короче, сделайте так, чтобы всякому было ясно: от этой двери пошлое «динг-донг» вы не добьетесь.

Фигура пробарабанила по темному дереву сложный код. Отодвинулась крошечная заслонка, и ночного гостя смерил подозрительный взгляд.

– Многозначительная сова глухо ухает в ночи, – произнес посетитель, пытаясь стряхнуть с плаща дождевую воду.

– И все же много серых лордов печально едут к людям без хозяев, – монотонным речитативом отозвался голос по другую сторону решетки.

– Ура, ура дочери племянника сестры, – парировала фигура в капающем балахоне.

– Для палача все просители одного роста.

– Воистину, внутри шипов таится роза.

– Хорошая мать готовит блудному сыну бобовый суп, – продолжил голос за дверью.

Воцарилась пауза, нарушаемая лишь монотонным шумом дождя.

– Что-что? – немного спустя переспросил гость.

– Хорошая мать готовит блудному сыну бобовый суп.

Последовала еще одна, более длинная, пауза. Затем мокрая фигура уточнила:

– Ты точно уверен? Может, это плохо построенная башня до основания сотрясается от полета бабочки?

– Ничего подобного. Это бобовый суп. Извини.

Неловкое молчание нарушалось лишь неослабевающим шипением водяных струй.

– А как насчет кита в клетке? – осведомился все более пропитываемый влагой гость, пытаясь втиснуться под то утлое прикрытие, которое мог дать портал.

– А что насчет его?

– Вообще-то, ему ничего не ведомо о бездонных безднах.

– Ах, кит... Тебе нужны Озаренные Братья Непроницаемой Ночи. Это через три двери.

– А кто в таком случае вы?

– Мы Просветленные и Древние Братья И.

– А я думал, вы собираетесь на Паточной улице, – после непродолжительной паузы сказал промокший гость.

– Вообще-то да. Но, знаешь ли, всякое бывает. По вторникам помещение занимает кружок домашней лепки. Получилась небольшая накладка.

– Да? Ну все равно спасибо.

– Не за что.

Дверца с оглушительным грохотом захлопнулась.

Несколько секунд фигура в балахоне свирепепо смотрела на нее, затем, разбрызгивая воду, зашлепала дальше. И в самом деле, вскоре обнаружился еще один портал. Архитектор не сильно надрывался, разнообразя дизайн.

Фигура постучала. Маленькая заслонка отворилась.

– Да?

– Слушайте, «Многозначительная сова ухает в ночи», верно?

– И все же много серых лордов печально едут к людям без хозяев.

– Ура, ура дочери племянника сестры – так?

– Для палача все просители одного роста.

– Воистину, внутри шипов таится роза. Слушай, здесь небо словно с ума сошло. Ты что, не видишь?

– Вижу, – ответствовал голос, ясно давая понять, что там, откуда он все это видит, тепло и сухо.

Гость вздохнул.

– Киту в клетке ничего не ведомо о бездонных безднах – если тебе от этого легче.

– Плохо построенная башня до основания сотрясается от полета бабочки.

Проситель ухватился за решетку дверного окошечка, подтянулся и прошипел:

– Впускай же, я промок до костей.

Последовала очередная сырая пауза.

– Эти бездны... Ты сказал «бездонные» или «бездомные»?

– Бездонные, я сказал. *Бездонные* бездны. Это означает, что дна в них нет, ну глубокие они, глубокие. Открывай быстрее, это же я, брат Палец.

– А мне показалось, ты сказал «бездомные», – осторожно отозвался невидимый привратник.

– Слушай, вам нужна эта чертова книженция или нет? Я вовсе не обязан таскать ее. И сейчас я мог бы валяться дома, в теплой постельке.

– Ты точно уверен, что «бездонные»?

– Слушай, эти бездны чертовски глубоки, – совсем рассвирепел брат Палец. – Ты был еще жалким неофитом, когда я уже знал, насколько они бездонны. Дверь открой!

– Ну... Хорошо. Так и быть.

Раздался звук отодвигаемых засовов.

– Не мог бы ты слегка подпихнуть? – попросил голос. – Проклятый дождь, Дверь Знаний, Чрез Которую Да Не Пройдет Неочищенный, совсем разбухла.

Брат Палец навалился плечом, мощным толчком распахнул дверь, смерил свирепым взглядом брата Привратника и заторопился внутрь.

Остальные уже ждали его во Внутреннем Святилище. Они беспорядочно толпились, на лицах застыло глуповато-застенчивое выражение, естественное для людей, которые чувствуют себя несколько неуютно в зловещих черных балахонах с капюшонами. Верховный Старший Наставник кивнул вновь прибывшему.

– Брат Палец...

– Да, Верховный Старший Наставник.

– Принес ли ты то, за чем был послан?

Брат Палец вытащил из-под полы сверток.

– Все было так, как я говорил, – сообщил он. – Нет проблем.

– Отличная работа, брат Палец.

– Благодарю, Верховный Старший Наставник.

Верховный Старший Наставник постучал молотком, требуя внимания.

После непродолжительного шарканья присутствующие образовали нечто вроде круга.

– Я призываю Неповторимую и Верховную Ложу Озаренных Братьев к порядку, – нараспев произнес он. – Дверь Знаний – крепко ли она запечатана супротив еретиков и несведущих?

– Ее там заклинило, – отозвался брат Привратник. – Совсем от влаги разбухла. На следующей неделе захвачу с собой рубанок, так что скоро мы это дело...

– Хорошо, хорошо, – раздраженно прервал Верховный Старший Наставник. – В дальнейшем просто отвечай «да». Тщательно ли обведен тройной круг? Все ли Присутствующие Присутствуют? И да удалится отсюда несведущий, ибо иначе будет он взят с этого места самого и велчет его вспорется, и гаскин его выставится на четырех ветрах, и моулсы его разорвутся на части крюками многими, а фиггин его наколетя на шип острый – *да, чего надо?*

– Прошу прощения, я не ослышался? Озаренные Братья?

Верховный Старший Наставник яростно сверкнул взглядом на одинокую фигуру с вопрошительно вздетой рукой.

– Да, Озаренные Братья, хранители священного знания с таких давних пор, каких человеческий ум даже постигнуть не в состоянии...

– То есть примерно с прошлого февраля, – с готовностью пришел на помощь брат Привратник. Он явно не понимал сути происходящего здесь.

– Прошу прощения. Премного извиняюсь, – обеспокоенно произнесла фигура. – Боюсь, я попал не в то общество. Наверное, не там повернул. Уже ухожу, так что не могли бы вы... э-э...

– А фиггин его наколетя на шип острый, – с нажимом повторил Верховный Старший Наставник, перекрывая жуткий скрип намокшей и разбухшей древесины – это брат Привратник пытался открыть Дверь Знаний. – Ладно, с формальностями покончено. Несведущие все удалились? Никто больше дверью не ошибся? – с горьким сарказмом добавил он. – Хорошо. Отлично. Я *так* рад. Полагаю, нет смысла спрашивать, запечатаны ли Четыре Сторожевые Башни? Просто замечательно. И Штанина Святости, кто-нибудь побеспокоился освятить ее? Неужели? И все сделали как положено? Я ведь проверю... Ладно. А окна укреплены Красными Шнурами Разума, как предписывают древние скрижали? Здорово, здорово... Теперь, пожалуй, можно приступить к делу.

Со слегка раздраженным выражением, свойственным человеку, который только что пробежался пальцами по верхней полке в доме невестки и обнаружил вдруг, вопреки всем ожиданиям, что полка сверкает чистотой, Верховный Старший Наставник приступил к делу.

Ну что за придурки, сказал он себе. Сборище недотеп, которых ни одно другое тайное общество ни в жизнь не удостоило бы прикосновением десятифутового Жезла Власти. Даже простейшему тайному рукопожатию не могут научиться – уже все пальцы себе вывихнули.

Но в недотепах таятся великие возможности. Умелых, подающих надежды, честолюбивых и самоуверенных – этих пускай кто-нибудь другой принимает. Он же возьмет скулящих от обиды, тех, у которых живот распирает от яда и желчи, тех, которые убеждены: представься им возможность – и они очутятся на коне. О да, ему нужны такие люди, в которых потоки яда и мстительности едва сдерживаются хрупкими дамбами, построенными на комплексах неумех и бездарностей.

Не говоря уже о непроходимой тупости. Каждый из них дал страшную клятву, но ни один даже на секунду не задался вопросом, что за фиггин будет наколот на шип острый.

– Братья, – произнес Верховный Старший Наставник, – сегодня нам предстоит обсуждать вопросы невероятной важности. В наших руках правильное управление Анк-Морпорком, да что там управление, само будущее великого города!

Присутствующие пригнулись ближе. По спине Верховного Старшего Наставника пробежал знакомый холодок наслаждения властью. Они внимали ему как оракулу. Ради этого чувства стоило натянуть дурацкий балахон, чтоб ему пусто было...

– Разве не ведомо всем нам, что город этот неминуемо растлевает людей, оплывающих жиром на ворованном богатстве, и в то же время не дает ходу гораздо более выдающимся человекам, обреченным, по сути, на рабство?

– Разумеется, известно! – с пылом отозвался брат Привратник спустя некоторое время, которое потребовалось каждому из братьев для внутреннего перевода и усвоения сказанного. – Только на прошлой неделе в Гильдии Пекарей я пытался указать на это мастеру Кричли, но...

Зрительный контакт отсутствовал, поскольку Верховный Старший Наставник требовал, чтобы братья опускали капюшоны как можно ниже, создавая под ними мистический мрак. Тем не менее молчание Наставника было столь многозначительно разъяренным, что брат Привратник умолк сам.

– Однако так было не всегда, – продолжил наконец Верховный Старший Наставник. – Был когда-то и золотой век, когда заслуживающие уважения и власти получали должное вознаграждение. Век, когда Анк-Морпорк был не просто большим, но великим градом. Век рыцарства. Век, когда – да, брат Сторожевая Башня, что тебе?

Грузная фигура в балахоне опустила руку:

– Вы говорите о том времени, когда нами правили короли?

– Прекрасно, брат, прекрасно, – слегка фальшиво похвалил Верховный Старший Наставник, раздосадованный этим внезапным всплеском сообразительности. – И...

– Так эта лафа кончилась еще несколько веков назад, – пожал плечами брат Сторожевая Башня. – После великой битвы или чего-то в этом роде. А после нами управляли всякие большие шишки типа патриция.

– Все правильно, брат Сторожевая Башня, очень хорошо.

– Нету больше у нас королей, вот к чему я веду, – брат Сторожевая Башня всегда был рад помочь.

– Как совершенно верно заметил брат Сторожевая Башня, линия...

– Вы упомянули о рыцарстве, ну тут я сразу и смекнул, – не унимался брат Сторожевая Башня.

– Вполне справедливо, и...

– Короли и рыцарство, прям в точку. – Брат Сторожевая Башня радовался этому диалогу, как ребенок. – О рыцари! А еще раньше были эти, как их...

– Однако, – резко прервал его Верховный Старший Наставник, – может статься, что линия королей Анка не настолько почивает в бозе, как принято было считать до сих пор. Может статься, что венценосные отроки дожили до наших с вами дней. И древние скрижали это подтверждают.

Он остановился, ожидая соответствующей реакции. Которой не последовало. Вероятно, «венценосных отроков» они еще как-то переварят, но вот с «почиванием в бозе» он явно переборщил.

Брат Сторожевая Башня вновь поднял руку.

– Что такое?

– Вы хотите сказать, что где-то поблизости болтается наследник престола?

– Верно, это не исключено.

– Ага. Это вы точно подметили, – тоном специалиста сообщил брат Сторожевая Башня. – Это всю дорогу случается. Об этом даже в книжках пишут. Отбрьски, вот как их называют. Они столетиями скрываются в пустынях, передавая из поколения в поколение волшебный меч и родимое пятно. И как раз в тот момент, когда старое королевство не может без них обойтись, они появляются – тут как тут – и отрубают головы всем узурпаторам, по случаю оказавшимся поблизости. А потом наступает всеобщее ликование.

Верховный Старший Наставник почувствовал, как у него отпадает челюсть. Такого доступного изложения он не ожидал.

– Ты, конечно, все правильно рассказал, – произнесла фигура, знакомая Верховному Старшему Наставнику как брат Штукатур. – Ну и что с того? Предположим, явится этот самый отпрыск, подойдет к патрицию и скажет: «Эй, ты. Я король, вот тут у меня родинка, там, где полагается, так что давай сматывайся». И что он получит? Ожидаемую продолжительность жизни – две минуты, вот и все, что он получит.

– Ты плохо меня слушал, – возразил брат Сторожевая Башня. – Вся штука в том, что отпрыск появляется как раз тогда, когда над королевством нависает угроза, понятно? То есть он оказывается на самом что ни на есть виду. А потом его вносят на руках во дворец, там он исцеляет парочку-троечку неизлечимо больных или слепых, объявляет лишней выходной, раздаст немного денежек из царской казны – и дело в шляпе.

– А еще он должен жениться на принцессе, – добавил брат Привратник. – Сначала пасет свиней, а потом бац – и женится на принцессе.

Все посмотрели на него.

– А кто говорил, что он пасет свиней? – осведомился брат Сторожевая Башня. – Я нигде не упоминал, что он пасет свиней. При чем тут свиньи?

– Однако в этих словах есть смысл, – задумчиво склонил голову набок брат Штукатур. – Он обычно бывает пастухом, лесником или занимается чем-то в том же духе, ну, то есть типичный отпрыск... Это связано с тем, чтобы быть... как эта штукавина называется? Когнито, во! Все должно выглядеть так, будто он скромного происхождения.

– А что такого особенного в скромном происхождении? – произнес очень маленький брат, состоявший, казалось, из одного громадного и жутко воняющего черного капюшона. – У меня этого скромного происхождения хоть отбавляй. В моей семье пасти свиней всегда считалось очень почетным.

– Так и королевской крови в твоей семье не наблюдается, брат Туговотс, – возразил брат Штукатур.

– Тебе-то откуда знать? Может, очень даже наблюдается! – надулся брат Туговотс.

– Ну ладно, хватит об этом, – ворчливо прервал брат Сторожевая Башня. – Довольно. Но самый существенный момент, как вы понимаете, это когда настоящие короли срывают с себя плащи и восклицают: «Узрите же!» И окружающие люди прикрывают глаза – так сияет королевская сущность.

– Сияет? Королевская сущность? – уточнил брат Привратник.

– ... *А может, в наших жилах действительно течет королевская кровь*, – бурчал себе под нос брат Туговотс. – *Какое право он имеет говорить, будто в нас нет королевской...*

– Ну да, именно что сияет! Стоит только взглянуть на нее – и сразу понимаешь: вот она какая, королевская сущность.

– Но сначала они должны спасти королевство, – добавил брат Штукатур.

– О да, – веско подтвердил брат Сторожевая Башня. – Это непременно условие.

– А от кого?

– ... *И не меньше других имеем прав на королевскую кровь...*

– От патриция? – предположил брат Привратник.

Брат Сторожевая Башня, внезапно ставший большим знатоком особ королевской крови, покачал головой.

– Вряд ли патриций представляет собой реальную угрозу, – сказал он. – Не такой уж он и тиран. По сравнению с теми, что были до него, он настоящий святой. Я хочу сказать, по настоящему он нас не угнетает.

– Меня угнетают постоянно, – возразил брат Привратник. – Мастер Кричли, на которого я работаю, угнетает меня с утра до вечера, кричит и все такое. А еще торговка в овощной лавке – она тоже все время угнетает меня.

– Вот-вот, – поддержал брат Штукатур. – И со мной то же самое. Моя хозяйка угнетает меня по-страшному. Колотит в дверь и устраивает скандалы, требуя плату за жилье, якобы я ей задолжал, а это ведь вранье чистой воды. И соседи за стенкой – те меня тоже угнетают, только ночью. Я вот говорю им, я, мол, весь день работаю, когда ж еще мне учиться играть на контрабасе, как не по ночам? Так нет ведь, не слушают. Это самое что ни на есть угнетение, вот что это такое. И если я не под пятой угнетателя, то уж и не знаю, кто тогда под этой пятой.

– Это еще что, – задумчиво произнес брат Сторожевая Башня. – Вот мой свояк меня угнетает, это да. Купил себе, понимаешь, лошадь с каретой и нагло разъезжает прямо перед моим носом. А у меня-то всего этого нет. Где здесь справедливость? Ведь из-за него меня теперь и жена моя угнетает – пилит, мол, почему у нас нет новой кареты, у свояка есть, а у нас – нет... Да, король бы такого угнетения не допустил.

Верховный Старший Наставник с восторгом внимал всем этим излияниям. Голова его слегка кружилась. Конечно, он слышал о таких штуках, как снежная лавина, но даже мечтать не мог, бросая свой снежок с вершины горы, что этот его ход приведет к таким ошеломляющим результатам. Ему даже не нужно было подливать масла в огонь, пламя и так полыхало вовсю.

– Бьюсь об заклад, уж король бы нашел управу на обнаглевших хозяек, – с глубоким чувством добавил брат Штукатур.

– И он объявил бы вне закона всех тех, что разъезжают на показушных каретах, – подхватил брат Сторожевая Башня. – Да еще купленных, скорее всего, на краденые деньги.

– Полагаю, – Верховный Старший Наставник решил, что настало время слегка подкорректировать направление беседы, – что мудрый король объявил бы вне закона всех тех, кто *не заслужил* карет.

Воцарилась глубокомысленная пауза, в течение которой братья мысленно поделили вселенную на заслуживающих карет и не заслуживающих оных и поместили себя на соответствующую сторону.

– М-да, с его стороны это было бы крайне справедливо, – медленно проговорил брат Сторожевая Башня. – Но брат Штукатур тоже правду говорит. Я немножко сомневаюсь, что отпрыск станет показывать свою королевскую сущность только потому, что брату Привратнику не нравится, как торговка в овощной лавке на него смотрит. Только без обид.

– Ладно бы смотрела, так она еще и обвешивает, – встрял брат Привратник. – А еще она...

– Да, да, да, – счел нужным вмешаться Верховный Старший Наставник. – Воистину, справедливо мыслящий народ Анк-Морпорка томится под пятой угнетателя. Однако король, как правило, является в несколько более драматических обстоятельствах. Например, когда начинается война.

Все шло прекрасно. Он верил в них: да, все они – заикленные на себе идиоты, но рано или поздно кто-нибудь произнесет нужные слова...

– Раньше было древнее пророчество или нечто вроде, – вспомнил брат Штукатур. – Мне дедушка рассказывал. – Глаза Штукатура засверкали от усилия, когда он попытался оживить в памяти суровые слова пророчества. – Ага, вот. И тогда явится король, и принесет он с собой Закон и Справедливость, и не будет знать ничего, кроме Истины, и станет он Защищать Людей Мечом своим и Служить им верою и правдой. Что вы на меня так пялитесь? Думаете, я все выдумал?

– Что ты, что ты, это пророчество мы знаем, – успокоил его брат Сторожевая Башня. – Конечно, было бы здорово, если бы все так и произошло, но сам представь, как он к нам явится, этот самый король? Этакий Пятый Всадник Абокралипсиса с Законом и Справедливостью позади. Привет всем, – пропищал он, – я король, а вот это, на лошади, Справедливость. Принимайте меня, а то моя коняка уже замучилась нас тащить. Не слишком похоже на правду, а? Нет, старым легендам верить нельзя.

– Почему это? – раздраженно осведомился брат Туговотс.

– На то они и легенды. Вот почему, – дал сжатое объяснение брат Сторожевая Башня.
– А еще мне нравятся всякие предания про спящих королевен, – в словах брата Штукатура зазвучала мечтательность. – Этих спящих красавиц только король и может разбудить.

– Не впадай в легкомыслие, – сурово одернул его брат Сторожевая Башня. – У нас нет короля, так что и королевнам взяться неоткуда. Логично, по-моему.

– В старые добрые времена все было куда проще... – задумчиво произнес брат Привратник.

– Чем это проще?

– Все, что надо было сделать, это убить дракона.

Верховный Старший Наставник сложил ладони и вознес молчаливую молитву, предназначавшуюся тому богу, что случайно оказался поблизости. В этих людях он не ошибся. Рано или поздно их перепрыгивающие с темы на тему умишки должны были привести братьев туда, куда нужно.

– Какая интересная идея, – вкрадчиво вывел он.

– Но вряд ли она сработает, – непреклонно прокомментировал правдолюб Сторожевая Башня. – Большие драконы все повывелись.

– А может, и не все...

Верховный Старший Наставник щелкнул суставами пальцев.

– Что-что вы сказали? – Брат Сторожевая Башня взял след.

– Я сказал, может, и не все драконы повывелись.

Из глубин рясы, принадлежавшей брату, донесся нервный смешок:

– Вы имеете в виду настоящего дракона? Такого, со здоровенной чешуей и крыльями?

– Да.

– Того, что дышит, как раскаленные мехи?

– Да.

– И с когтищами на лапах?

– Когти? О, сколько твоей душе угодно.

– Что значит «сколько моей душе угодно»?

– Надеюсь, мои слова говорят сами за себя, брат Сторожевая Башня. Тебе нужен дракон? Ты его получишь. самого настоящего дракона. Ты можешь привести его прямо сюда. В этот город.

– Я?

– То есть вы. То есть мы, – завершил мысль Верховный Старший Наставник.

Брат Сторожевая Башня поколебался:

– Ну, я как-то не знаю, правильно ли это...

– И дракон этот будет повиноваться всем вашим приказам.

Вот тут до них дошло. И они приняли стойку. Эта идея упала прямо перед их убогими умишками, словно шмат мяса посреди псарни.

– А можно еще раз? Я что-то плохо расслышал... – с запинками попросил брат Штукатур.

– Вы будете управлять этим драконом. И он будет делать все, что бы вы ни пожелали.

– Всамделишный дракон будет нас слушаться?

В уединении своего капюшона Верховный Старший Наставник устало закатил глаза.

– Ну да, всамделишный. А не какой-нибудь там болотный, карликовый. Нет, то будет подлинный экземпляр.

– Но я считал, они, как бы это сказать... мифы.

Верховный Старший Наставник чуть наклонился вперед.

– Были мифы, но были и реальные драконы, – громко, чтобы все слышали, произнес он. –

В каждой мифе есть доля правды.

– Я что-то не понимаю, – удрученно признался брат Штукатур.

– Хорошо, тогда я все покажу. Книгу, пожалуйста, брат Палец. Спасибо. Братья, должен рассказать вам, что, когда я проходил обучение у Тайных Наставников...

– Где-где? – переспросил брат Штукатур.

– Ты что, плохо слышишь? Вечно ты отвлекаешься. У Тайных Наставников! – рявкнул брат Сторожевая Башня. – Объясню специально для тех, кто не знает: есть такие древние мудрецы, они обитают далеко в горах и тайно управляют всем, а еще они умеют ходить по огню и вытворяют кучу всяких других штук. Наш наставник у них учился, и они передали ему свои знания. Он рассказывал нам об этом на прошлой неделе. И теперь собирается передать эти знания нам. Правда, Верховный Старший Наставник? – заискивающе завершил он.

– Ах вот о ком речь, – протянул брат Штукатур. – Извиняюсь. Я понял. Это те, что прячутся за таинственными капюшонами. Простите. Тайные Наставники. Конечно, я их помню.

«Когда я буду управлять этим городом, – пообещал сам себе Верховный Старший Наставник, – всех этих тупиц взащей повытолкаю отсюда. Сформирую новое тайное общество, состоящее из умных и образованных людей. Хотя нет, брат слишком умных тоже нельзя. Ниспровергнув бездушного тирана, мы войдем в новую эпоху просвещения, братства и гуманизма, и Анк-Морпорк станет утопией, а типов вроде брата Штукатура будут поджаривать на медленном огне – если, конечно, к моему мнению прислушаются. А к нему будут прислушиваться. Первым делом поджарим самого брата Штукатура. И его фиггин»².

– В общем, я проходил обучение у Тайных Наставников и... – снова начал он.

– Вам тогда еще сказали, что вы должны научиться ходить по рисовой бумаге, – брат Сторожевая Башня явно входил во вкус разговора. – Эта часть вашего рассказа мне особенно понравилась. Но я рис не люблю, предпочитаю макароны. Так вот, после вашего рассказа я все время отдираю дно от коробок с макаронами. И знаете что? Хожу по нему абсолютно без проблем. Вот что значит настоящее тайное общество, знания так и впитываются.

«Когда брат Штукатур окажется на сковородке, – подумал Верховный Старший Наставник, – он будет там не одинок».

– Твое продвижение по дороге просвещения является примером для всех нас, брат Сторожевая Башня, – сказал он вслух. – Теперь, да будет мне позволено продолжить, я должен сказать, что среди многих тайн, полученных...

– ...От Сердца Сущего, – одобрительно подсказал брат Сторожевая Башня.

– ...От Сердца, как верно заметил брат Сторожевая Башня, Сущего, содержалась тайна о месторасположении благородных драконов. Убеждение, что они вымерли, абсолютно не соответствует действительности. Они просто нашли себе новую эволюционную нишу. И мы можем вызвать их оттуда. Книга, которую я держу в руке, – для наглядности он помахал томом, – содержит конкретные инструкции.

– Что, все просто так и написано? Никакого подвоха? – недоверчиво осведомился брат Штукатур.

– О, это не обычная книга. Перед вами ее единственный экземпляр. На то, чтобы расшифровать ее, у меня ушли годы, – сообщил Верховный Старший Наставник. – Она написана рукой Тубала де Малахита, великого ученого, постигшего драконьи тайны. Да, да, эта книга – подлинник. Тубал де Малахит умел призывать самых разнообразных драконов. И вскоре вы сможете делать то же самое.

Воцарилось долгое, неловкое молчание.

– М-м, – промычал брат Привратник.

² В «Славаре Умапамрачающих Слов» фиггин определяется как «пирожок с корочкой, содержащий изюм». Этот словарь сослужил бы Верховному Старшему Наставнику бесценную службу, попадись он ему в руки, когда тот сочинял клятвы своего общества. Ведь в этом словаре упоминаются и велчет («тип жилета, который носят некоторые часовщики»), и гаскин («робкая серо-коричневая птица из семейства лысух»), и даже моулсы («игра в черепах, требующая от участников немалого мастерства и сноровки»).

– По-моему, здесь чуть-чуть попахивает, э-э... волшебством, – предположил брат Сторожевая Башня взволнованным тоном человека, который угадал, под какой чашкой спрятан наперсток, но не хочет этого говорить. – Нет, нет, я ни на минуту не сомневаюсь в вашей непревзойденной умудренности и все такое, но... вы знаете... волшебство...

Его голос постепенно затих.

– Да-а-а-а, – выдохнул брат Штукатур.

– Есть такие, э-э, волшебники, – сказал брат Палец. – Может, вам это невдомек, вы были очень заняты, ходили по углям с этими древними мудрецами, но здешние волшебники, они обрушатся на тебя, как целая тонна кирпичей, если застукают за чем-нибудь, смахивающим на волшебство.

– Разделение труда, вот как они это называют, – поддержал брат Штукатур. – Мы вроде как договорились. Я, например, не должен соваться во всякие таинственные переплетения причинности, а они не будут штукатурить.

– Честно говоря, не пойму, в чем проблема, – возразил Верховный Старший Наставник.

На самом деле эту проблему он тоже предугадал. То было последнее препятствие. Надо только помочь их жалким умишкам преодолеть черту, и весь мир окажется у него на ладони. До сих пор их невероятно тупой эгоцентризм служил верной подмогой, не подведет он и сейчас...

Братья неловко заерзали. И тут уста отверз брат Туговотс.

– Ха! Волшебники! Да разве они знают, что такое трудиться от зари до зари, не разгибая спины?

Верховный Старший Наставник глубоко вздохнул. *Ага...*

Атмосфера злобного негодования заметно сгустилась.

– Откуда им знать?! – презрительно бросил брат Палец. – Ходят, задрав нос, слишком они хороши, чтобы общаться с такими, как мы. Уж я-то на них насмотрелся еще в те времена, когда работал в Университете. Задницы в миллю шириной, вот что я вам скажу. Кто-нибудь когда-нибудь видел, чтобы они зарабатывали на жизнь честным трудом?

– Вроде того же воровства? – съязвил брат Сторожевая Башня, которому брат Палец никогда особенно не нравился.

– Ну да, они говорят, – продолжал брат Палец, демонстративно игнорируя это замечание, – что вы не должны заниматься магией, потому что, дескать, только они знают, что нарушает вселенскую гармонию, а что не нарушает. Чепуха все это, вот что я думаю.

– Ну-у, – протянул брат Штукатур, – я, честно сказать, не совсем согласен... Я это к тому, что если напутаешь с раствором, то обляпаешь ноги мокрой штукатуркой. А если напутаешь с магией, то, говорят, из пола, из стен, отовсюду повывлзает всякая гадость и прикончит тебя на месте.

– Да, но так говорят волшебники, – задумчиво произнес брат Сторожевая Башня. – Сказать по правде, лично я их терпеть не могу. А вдруг они действительно напали на золотую жилу и не хотят, чтобы кто-то еще об этом узнал? Это все только видимость – размахивание руками, заклинания, а на самом деле все уже сказано и сделано.

Братья обдумали высказанное предположение. Звучало вполне разумно. Если бы *они* напали на золотую жилу, то приложили бы все силы, чтобы не пустить к ней никого больше.

Наконец Верховный Старший Наставник решил, что час пробил.

– Значит, братья, мы договорились? Вы готовы заниматься магией?

– О, только заниматься... – с облегчением откликнулся брат Штукатур. – Против *занятий* я ничего не имею. Главное, чтобы не пришлось потом по-настоящему...

Верховный Старший Наставник грохнул книгой об стол.

– Я имею в виду произнесение настоящих заклинаний! Чтобы вернуть город на путь истинный! Чтобы вызвать дракона! – заорал он.

Братья попятись.

– А потом, когда мы заполучим этого дракона, появится законный король, да? – немного погодя осведомился брат Привратник.

– Да! – рявкнул Верховный Старший Наставник.

– Вот это мне понятно, – поддержал брат Сторожевая Башня. – Звучит логично. Увязывается с предназначением и ювелирной работой судьбы.

Последовало секундное колебание, после чего балахоны дружно закивали. И только в выражении капюшона брата Штукатура прослеживалось смутное недовольство.

– Ну ла-адно, – протянул он, – мы ведь очень аккуратно...

– Уверяю тебя, брат Штукатур, ты можешь выйти из дела в любой момент, – успокаивающим тоном заверил Верховный Старший Наставник.

– Хорошо... Я согласен, – все еще с некоторой неохотой кивнул упирающийся брат.

– А еще один небольшой вопросик можно? – встрял брат Привратник. – Можно сделать так, чтобы этот самый дракон спалил, скажем, угнетающие людей овощные лавки?

Ага.

Он победил. Драконы вернутся. И король вернется. Не похожий на прежних королей. Король, который будет делать то, что ему велят.

– Это, – изрек Верховный Старший Наставник, – зависит от того, насколько активно все вы будете помогать. Для начала нам понадобятся любые магические предметы, которые вы сможете принести...

Они ни в коем случае не должны заметить, что последняя половина книги де Малахита представляет собой обуглившуюся и спекшуюся массу. Старику задача оказалась не по плечу.

Но у него все получится. И никто, ничто на свете не сможет остановить его.

И грянул гром...

Говорят, боги играют людскими жизнями. Но в какие игры они играют и почему, и кому суждено стать пешкой, и каковы правила этих игр – кто все это знает?

Честно говоря, в детали лучше не вдаваться.

И грянул гром...

Что-то предвещающее было в этом громе.

А теперь на короткое время давайте отвлечемся от сочащихся влагой, промокших улиц Анк-Морпорка, перенесемся через утренние туманы Плоского мира и вновь опустимся на землю – но сфокусируем наш внутренний бинокль на молодом человеке, который двигается к городу со всей открытостью, искренностью и невинной целеустремленностью айсберга, дрейфующего в направлении оживленного морского пути.

Этого юношу зовут Моркоу. Но имя, смахивающее на название овоща, дали ему вовсе не из-за цвета волос, которые отец, ссылаясь на странную богиню по имени Гиена-Ги, всегда подстригал ему крайне коротко.

Нет, причиной этого прозвища стала общая конусообразность тела, которую приобретают благодаря духовной и физической чистоте, здоровому питанию и хорошему горному воздуху, вдыхаемому полными легкими. Когда такой юноша напрягает плечи, все прочие мышцы быстренько расступаются.

За спиной у юноши – меч, который очутился у него очень странным образом. Таинственным образом. Хотя в самом мече ничего таинственного нет – тем более в образе, которым меч очутился у юноши. Никакой этот меч не волшебный. И у него нет имени. Как им ни размахивай, чувства неведомой мощи не испытаешь – правда, если размахивать очень долго, то можно испытать боль от вскочивших на руках волдырей. Этим клинком пользовались так часто, что он перестал быть чем-либо другим, кроме как чистой квинтэссенцией меча, длинным куском металла с очень острыми краями. А судьбоносностью здесь даже не пахнет.

В общем, уникальный меч.

И грянул гром.

Сточные канавы города издавали тихое бульканье – это дождевые потоки уносили побочные продукты ночи, некоторые из побочных продуктов слабо протестовали.

Достигнув капитана Ваймса, водный поток расступился в стороны и омыл распростертое тело двумя отдельными струями. Ваймс открыл глаза. Сначала был момент мирной пустоты, но потом воспоминание шибануло его, как лопата.

У Ночной Стражи выдался плохой день. Начать с того, что в этот день хоронили старину Герберта Гаскина. Эх, бедняга Гаскин... Он нарушил одно из фундаментальных правил, которым должен следовать любой стражник. И правило это было не из тех, которые можно нарушить дважды. Поэтому Гаскина опустили в пропитанную влагой почву, дождь барабанил по крышке гроба, и никто не оплакивал почившего стражника, кроме трех уцелевших солдат из Ночной Стражи – самой презираемой категории людей во всем Анк-Морпорке. Сержант Колон рыдал. Бедняга Гаскин...

И бедняга Ваймс, подумал Ваймс.

Бедняга Ваймс, лежит здесь, в канаве. Из канавы вылез, в канаву и вернулся. Лежит он себе, а вода крутит водовороты, просачиваясь под его доспехи. И что только не проплывает мимо бедняги Ваймса, того самого, что лежит в канаве. Наверное, даже бедняге Гаскину сейчас лучше, чем бедняге Ваймсу, грустно подумал капитан Ночной Стражи.

Надо бы постараться и вспомнить... Итак, он ушел с похорон и напился. Нет, обычное «напился» здесь не годится. «Надрался в хлам» – это более подходящее выражение. Когда мир весь перекошен, словно в кривом зеркале, изображение становится нормальным только тогда, когда посмотришь на него сквозь дно бутылки.

Что-то еще было, надо вспомнить.

Ах да. Ночь. Время дежурства. Но не для Гаскина. На место старины Гаскина придется взять новенького. Хотя новенький и так должен был прибыть. Очередной свищ на ровном месте. Или шиш на ровном месте? В общем, очередной... вы-прыжка?.. выскакиватель?..

Ваймс оставил безнадежные попытки вылезти из канавы и рухнул обратно. Сточные воды продолжили свое бурление.

Над головой у Ваймса шипели под дождем и вспыхивали огненные буквы.

Могучее физическое телосложение Моркоу объяснялось не только свежим горным воздухом. Сызмальства он работал на принадлежащем гномам золотоносном руднике и по двенадцать часов в день гонял туда-сюда вагонетки с породой – такой род занятий весьма способствует росту мускулов.

Ходил он сутулясь. Чем это объяснялось? Опять-таки тем фактом, что вырос Моркоу на золотоносном руднике, принадлежащем гномам, которые твердо уверены в том, что пять футов – это для потолка самое то.

Моркоу всегда подозревал, что в чем-то он отличается от гномов. Начать с того, что у него было больше синяков. Но затем в один прекрасный день отец подошел к нему, точнее к его талии, и сказал, что Моркоу вовсе не гном.

Это ужасно – целых шестнадцать лет считать себя гномом, а потом вдруг обнаружить, что принадлежишь не к тому виду.

– Понимаешь, сынок, мы не хотели говорить тебе об этом, – промолвил отец. – Думали, может, все утрясется само собой.

– Что утрясется? – спросил Моркоу.

– Твои размеры. Но теперь твоя мать считает, в общем, мы *оба* считаем, что настало время вернуться тебе к твоим сородичам. Рост – это очень важно, ты должен жить с теми,

кто похож на тебя. – Отец принялся крутить разболтавшуюся заклепку на каске, что служило верным признаком обеспокоенности и смущения. – Э-э, – добавил он.

– Но мои сородичи – вы! – в отчаянии воскликнул Моркоу.

– В каком-то смысле да, – согласился отец. – Но в другом смысле нет, и этот смысл более соответствует действительности. Понимаешь, это все генетика, она так шутит. Поэтому было бы очень неплохо, если бы ты выбрался наконец отсюда и увидел мир.

– Что, я должен навсегда расстаться с вами?

– О нет! Нет. Конечно, нет. Возвращайся, когда захочешь, наведай нас. Но, видишь ли, для парня твоих лет киснуть здесь... Это неправильно... Ну, это... То есть... Ты ведь уже не ребенок. А большую часть времени ползаешь на коленках. В общем, всякое такое. Неправильно это.

– Но тогда какие они, мои сородичи? – в замешательстве спросил Моркоу.

Старый гном набрал в легкие побольше воздуха.

– Ты человек, – выпалил он.

– Что, как господин Лосняга? – Господин Лосняга раз в неделю поднимался на запряженной волами повозке вверх по горным тропам, чтобы менять золото гномов на всякие полезные вещи. – Стало быть, я – один из верзил?

– Ну да... Только ты, сынок, еще верзилестее. В тебе шесть футов роста, а в нем – пять. – Гном снова принялся крутить разболтавшуюся заклепку. – Вот такие дела, сам видишь...

– Да, но... может, я просто чуточку высоковат? – Моркоу отчаянно цеплялся за последнюю соломинку. – В конце концов, бывают же люди-карлики, почему бы не быть высоким гномам?

Отец сострадательно похлопал его по той части ноги, которую можно назвать обратной стороной колена.

– Надо смотреть в лицо фактам, мой мальчик. Там, на поверхности, ты будешь чувствовать себя намного лучше. Твоя кровь напомнит тебе обо всем. Да и крыши там не такие низкие.

«А значит, ты не будешь вечно стучаться головой – небо, вон оно где...» – добавил про себя старый гном.

– Слушай, – сказал Моркоу, честный лоб которого весь сморщился в отчаянных раздумьях. – Ты ведь гном, да? И мама тоже гном. Значит, я тоже должен быть гномом. Это закон природы.

Гном вздохнул. Он надеялся преподнести эту тему очень осторожно, выдавать информацию по чуть-чуть, растянув рассказ на несколько месяцев, чтобы мальчик привыкал, но времени уже не оставалось.

– Сядь-ка, сынок, – сказал он.

Моркоу сел.

– Дело в том, – сокрушенно начал гном, глядя в большое честное лицо юноши, а не в пряжку его пояса, – что мы нашли тебя в лесу. Ты ползал там, неподалеку от дороги... Гм...

Разболтавшаяся заклепка жалобно взвизгнула. Наконец гном махнул рукой и с разбегу ринулся в прорубь:

– Видишь ли, какое дело-то... там были повозки. Горящие, если можно так сказать. И мертвые люди. Гм, да. Чрезвычайно мертвые люди. Из-за разбойников. Суровая зима выдалась в ту зиму, и в горы приходило много всякого разного народу... Так что мы взяли тебя, ясное дело, а затем... в общем, зима той зимой была долгой, как я уже сказал, и твоя мать привыкла к тебе, и... ну, в общем, мы все собирались попросить Лоснягу поспрашивать о тебе, но как-то руки не дошли. Вот такая вот, в общем, история.

Моркоу воспринял рассказ довольно спокойно главным образом потому, что практически ничего не понял. Кроме того, насколько ему было известно, быть найденным на обочине – обычное дело, все дети появляются так на свет. Гномы очень щепетильны в вопросах деторож-

дения, и, как правило, все технические детали объясняются ребенку, только когда он³ достигает половой зрелости⁴.

– Ладно, папа. – Моркоу наклонился вперед, к уху гнома. – Но знаешь, я и... Мятка Скалшмакер? Она настоящая красавица, папа, и борода у нее мягкая, как, э-э, э-э, в общем, очень мягкая, так вот, мы понимаем друг друга, и...

– Да, – в тоне гнома зазвучали холодные нотки. – Мне все известно. Ее отец разговаривал со мной.

«А ее мать – с твоей матерью, – добавил он про себя, – и потом твоя мать говорила со мной. Разговоров было хоть отбавляй».

– Дело не в том, что ты им не нравишься, ты парень солидный и самостоятельный, твердо стоишь на ногах и работник отличный, из тебя получится хороший зять. Только твоих размеров хватило бы на четырех хороших зятьев. В этом-то и беда. Не говоря уже о том, что ей всего лишь шестьдесят. Это никуда не годится. Неправильно это.

Он слышал о случаях, когда человеческие детеныши вырастали в волчьей стае. И оставалось только гадать, приходилось ли какому-нибудь волчьему вожаку разбираться со случаем, столь же запутанным, как этот. Может, он тоже отводил найденыша куда-нибудь на полянку и говорил нечто вроде: «Слушай, сынок, ты, наверное, задаешься вопросом, почему ты не такой волосатый, как все остальные...»

Он обсуждал это дело с Лоснягой. Хороший, солидный человек, этот Лосняга. Приемный отец Моркоу знал отца этого человека. И его дедушку, если уж на то пошло. Люди – такие недолговечные создания. Должно быть, слишком много усилий уходит на то, чтобы качать кровь на такую высоту.

– Да уж, король⁵, проблема налицо. Дело серьезное, – крикнул старик, когда оба тянули по маленькой на скамеечке рядом со стволом номер 2.

– Понимаешь, он хороший парень, – начал король. – Здравый ум, и характер спокойный, надежный. Не сказать, чтобы звезды с неба хватал, но укажи ему, что сделать, так он не успокоится, пока не сделает. Послушный.

– Ну, можно укоротить ему ноги, – посоветовал Лосняга.

– Проблема не в ногах, – мрачно ответил король.

– А! Да. Ну что ж, в таком случае можно укоротить...

– Нет.

– Нет, – задумчиво согласился Лосняга. – Гм-м. Тогда... Может, отослать его отсюда? На какое-то время. Пускай повращается в человеческом обществе. – Лосняга откинулся на спинку скамьи. – Попал ты, король, с этим гадким утенком, – сочувствующе добавил он.

– Утенок? Вот об этом вообще не стоит ему говорить. Я постоянно намекаю ему на то, что он – человек, и то он меня не слышит... А тут...

– Да нет, я говорю об утенке, воспитанном среди цыплят. Хорошо известный феномен курятника. В итоге птенец обнаруживает, что чертовски хорошо умеет клевать, но даже близко не представляет, что такое плавать. – Король вежливо слушал. Сельскохозяйственную тему нельзя назвать близкой уму гнома. – Но стоит отослать его туда, где живут другие утята... Дайте ему намочить лапки, и больше он за курочками бегать не станет. И дело в шляпе.

Лосняга гордо обозрел окрестности. Видно было, что он порядком доволен собой.

Когда вы большую часть жизни проводите под землей, у вас вырабатывается очень буквальный образ мыслей. Гномы в своей речи никогда не прибегают к метафорам и тому подоб-

³ В языке гномов местоимение «он» используется для обоих полов. Все гномы имеют бороды и носят до двенадцати слоев одежды. Так что пол – понятие более или менее относительное.

⁴ То есть 55 лет.

⁵ Букв.: «дезка-ник», «старший начальник шахты».

ным ненужным украшательствам. Камни тверды, а темнота темна. Начни забивать голову всякими сравнениями, и мигом наживешь себе неприятности – вот основной девиз гномов. Но после двухсот лет общения с людьми у короля выработалась способность включать в своем мозгу нечто вроде скрипучей подсобной извилины, в задачу которой входило понимание этих странных существ.

– Шляпы у нас как-то не в ходу. Больше каски, – указал он, тщательно подбирая слова.

– Шляпа, каска – какая разница.

Воцарилась пауза, за время которой король тщательно проанализировал последнее высказывание.

– Ты хочешь сказать, – взвешивая каждое слово, проговорил он, – что, поскольку я всегда работаю в каске, мы должны отослать Моркоу, и там, среди людей, он станет уткой?

– Он отличный паренек. Масса возможностей открывается перед таким большим, сильным парнем, как он.

– Я слышал, что некоторые гномы находят себе работу в Большом Городе, – в голосе короля звучала некоторая неуверенность. – И оттуда они посылают деньги своим семьям, что очень похвально и правильно.

– Ну вот. Подыщите ему там какую-нибудь работенку... – Лосняга прервался в ожидании прилива вдохновения. – Например, пусть он станет стражником или кем-то в этом роде. Мой прапрадедушка служил в Городской Страже. Для здорового парня – самое то работенка, говаривал мой дедушка.

– А что такое Городская Стража? – осведомился король.

– О, – откликнулся Лосняга, и в голосе его зазвучали мечтательные нотки, словно он вспоминал о чем-то смутном и отдаленном, – такой тон характерен для человека, чья семья на протяжении последних трех поколений дальше чем на двадцать миль от дома не выбиралась. – Стражники следят за тем, чтобы люди соблюдали законы и делали то, что им велят.

– Весьма полезное занятие, – одобрил король. Такую работу он понимал и ценил, поскольку именно он отдавал все приказы среди гномов.

– Разумеется, первого встречного-поперечного туда не примут, – продолжил Лосняга, углубляясь в пласты воспоминаний.

– Уж я думаю. Работа ведь очень важная. Я напишу их королю.

– Да нету у них короля, – ответил Лосняга. – Там какой-то тип всем распоряжается.

Король гномов принял это сообщение с воистину королевским спокойствием. Очередные человеческие выкрутасы – король, он и есть король, как еще назвать человека, который всеми распоряжается? Люди вечно что-нибудь придумают.

Моркоу принял новость достаточно спокойно – точно так же, как он реагировал на распоряжение заново открыть ствол номер 4 или обстругать бревна для крепежа. Все гномы по своей природе исполнительные, серьезные, законопослушные и глубокомысленные люди; их единственный крохотный недостаток сводится к дурной манере: опрокинув стаканчик, кидаться на неприятеля с диким воплем «А-ааааарх-хх!» и отрубать ему ноги по колено. И Моркоу не видел никаких причин вести себя иначе. Он отправится в этот город – город, странная, наверное, штуковина – и станет там человеком.

В Стражу принимают только самых лучших, объяснял Лосняга. Стражник должен быть умелым воином, а также чистым в своих помыслах, словах и деяниях. Из бездонных глубин своего наследственного сборника легенд старик извлекал все новые захватывающие повествования о погонях по крышам при лунном свете и поражающих воображение схватках с негодьями – разумеется, все эти схватки, несмотря на существенное неравенство в силах, неизменно заканчивались победой его прапрадедушки.

Моркоу оставалось только признать, что такая жизнь гораздо заманчивее шахтерского труда.

По некотором размышлении король написал управляющему Анк-Морпорка, почтительно осведомясь, можно ли рассмотреть Моркоу как возможного кандидата на место среди лучших людей города.

Письма на руднике писались нечасто. Работа замерла, и весь клан собрался вокруг, в почтительном молчании взирая, как перо короля скрипит по пергаменту. Королевскую тетюшку послали к Лосняге с преогромными извинениями и просьбой, не изыщет ли он возможность одолжить им чуточку воска. Королевскую сестру послали в долину, в деревню, спросить у госпожи Чесногк, местной ведьмы, как правильно пишется слово «рекомендация».

Протекли месяцы.

А затем пришел ответ. Довольно засаленный, поскольку почтовые отправления в Овцепикских горах просто передаются из рук в руки тому, кто направляется в более или менее нужном направлении. Ответ был краток. Там сообщалось, прямо и незатейливо, что прошение удовлетворено и кандидат должен незамедлительно явиться для несения службы.

– Так просто? – Моркоу не мог скрыть разочарования. – А я-то думал, будут испытания и все такое. Ну, чтобы проверить, подхожу ли я.

– Ты мой сын, – ответил король. – И я упомянул об этом в прошении. Неудивительно, что тебя сразу приняли. Очень может быть, в скором времени ты даже станешь офицером.

Вытащив из-под стула мешок, он некоторое время сосредоточенно копался в нем, а затем показал Моркоу отрезок металла, более похожий на меч, чем на пилу, но сходства с последней так и не утративший.

– Это, наверное, по праву принадлежит тебе, – сказал он. – Когда мы нашли... повозки, это было единственной уцелевшей вещью. Разбойники, что тут скажешь... Строго между нами, – он дал Моркоу знак наклониться пониже, – мы даже приглашали ведьму, чтобы она взглянула на меч. Вдруг он волшебный? Но оказалось, что нет. Самый неволшебный из всех мечей, что она когда-либо видела, именно так ведьма и сказала. Волшебные мечи, как я слышал, обладают неким притяжением, что-то вроде магнита, стало быть. А этот ни капли не магнитит. Однако баланс у него хороший.

Он вручил меч Моркоу.

Затем снова зарылся в мешок.

– И вот еще, – он вытащил оттуда рубаху. – Она защитит тебя.

Рубаха оказалась из шерсти овцепикских овец, она воплощала собой всю мягкость и шелковистость щетины матерого борова. Это было одно из тех самых легендарных гномьих шерстяных облачений, которые в критических случаях способны заменить надежную дверь.

– Защитит от чего? – спросил Моркоу.

– От простуд и так далее, – объяснил король. – Твоя мать говорит, ты должен носить ее. Да, кстати, это напомнило мне вот о чем. Господин Лосняга просил тебя заглянуть, когда ты будешь спускаться с горы. У него тоже для тебя кое-что есть.

Мать и отец махали ему, пока он не потерял их из виду. Мятка провожать его не вышла. Забавно все же. С недавнего времени она вроде как стала избегать его.

В распоряжении Моркоу были: меч, перекинутый за спину, бутерброды и чистое белье в мешке, а также целый мир, более или менее расстилающийся под ногами. В кармане лежало знаменитое письмо от патриция, человека, управляющего великим и прекрасным городом Анк-Морпорком.

По крайней мере, мать считала, что оно от патриция. И вправду, наверху листа красовалось внушающее уважение изображение шлема, но подпись гласила что-то вроде: «Волч Шатунс, Сл. Без., и. о.».

И все равно, даже если послание писал не сам патриций, его наверняка составлял тот, кто работает на этого славного человека. Может, даже в том же самом здании. По крайней мере,

патрицию известно об этом письме. В общих чертах. Во всяком случае, о существовании такой штуки, как письма, он точно должен был слышать.

Размеренным шагом Моркоу следовал горными тропами, сопровождаемый облаками вспугнутых шмелей. Спустя некоторое время он извлек меч из ножен и принялся наносить пробные удары по подозрительно выглядящим пенькам и несанкционированным собраниям жалящих насекомых.

Лосняга сидел на пороге лачуги, нанизывая на нитку сушеные грибы.

– Здравствуй, Моркоу, – приветствовал он, проводя гостя в дом. – Небось ждешь не дождешься, когда попадешь в город?

Моркоу с подобающей серьезностью поразмыслил над ответом.

– Нет.

– Крутишь в голове, как оно там будет?

– Да нет. Иду себе, и все, – честно ответил Моркоу. – Ни о чем особо не думаю.

– И отец дал тебе в дорогу меч? – осведомился Лосняга, шаря по липкой от грязи и вонючей полке.

– Да. А еще шерстяную рубаху, чтобы защищаться от холодов.

– Ага. Я слышал, там, внизу, бывает очень влажно. Защита. Крайне предусмотрительно. – Лосняга наконец отыскал нужную вещь и повернулся на сто восемьдесят градусов. В голос его добавились драматические нотки: – Вот это принадлежало моему прапрадедушке.

И он продемонстрировал странное, смутно напоминающее полусферу приспособление, опутанное шнурами.

– Это праща? – спросил Моркоу, после того как некоторое время в почтительном молчании изучал предмет.

Лосняга объяснил ему, что это такое.

– Железный гульффик? – заинтригованно переспросил Моркоу. – Это такой маленький железный гуль?

– Нет. Эта штука для битв, – пробормотал Лосняга. – Ты должен носить ее все время, не снимая. Защищает жизненно важные органы, вроде того.

Моркоу попытался надеть приспособление.

– Господин Лосняга, по-моему, этот гуль немного маловат мне.

– Видишь ли, это оттого, что носить его надо не на голове.

К вящей растерянности и последующему ужасу Моркоу, Лосняга подробно растолковал назначение таинственного предмета.

– Мой прапрадедушка частенько говаривал, – завершил свою речь Лосняга, – если бы не эта штуковина, меня бы здесь сегодня не было.

– А почему он так говаривал?

Рот Лосняги несколько раз открылся и опять захлопнулся.

– Сам потом узнаешь, – сдался наконец он.

Так или иначе, постыдная штуковина лежала теперь на самом дне дорожного мешка Моркоу. Гномы не очень образованы в таких вещах. Это потустороннее защитное приспособление символизировало собой целый мир, не менее для них чуждый, чем обратная сторона Луны.

Господин Лосняга подарил юноше еще кое-что. Это была маленькая, но очень толстая книга, переплетенная в кожу, ставшую с годами твердой, как дерево.

Название той книги гласило: «Законы и Постановления Городов Анка и Морпорка».

– Это также принадлежало моему прапрадедушке, – сообщил Лосняга. – Это то, что обязан знать каждый стражник. Чтобы стать хорошим офицером, ты должен вы зубрить все эти законы, – с тонким знанием предмета присовокупил он.

К сожалению, Лосняга не учел того, что за свою короткую жизнь среди гномов Моркоу еще ни разу не столкнулся с такой штукой, как инструкции, которые ни в коем случае не следует понимать буквально.

Моркоу торжественно принял книгу. Он искренне надеялся стать хорошим стражником – ему просто в голову не приходило, что можно быть плохим.

Это было путешествие длиной в пятьсот миль, и прошло оно, что довольно удивительно, без особых событий. Впрочем, если ты тот, чей рост зашкаливает за шесть футов, а плечи не пролезают в дверь, то твое путешествие скорее всего будет бессобытийным. Время от времени из-за разных скал выскакивают всякие люди, но тут же торопливо удаляются, бросая нечто вроде: «О, прошу прощения, я, видимо, ошибся...»

Большую часть своего путешествия Моркоу читал.

И вот сейчас перед ним расстилался Анк-Морпорк.

Зрелище слегка разочаровывало. Ему казалось, над равниной будут возвышаться белые башни с реющими флагами. Анк-Морпорк не возвышался. Скорее, он норовил скрыться, прильнуть к земле, как будто опасаясь, что кто-то украдет ее прямо у него из-под носа. Флагов не было.

Ворота охранял стражник. По крайней мере этот человек носил кольчугу, а штука, которую он выставлял вперед, уперев в свой необъятный живот, была пикой. Ну да, точно, он из Городской Стражи, подумал Моркоу.

Юноша отдал честь и показал письмо. Стражник некоторое время взирал на листок бумаги.

– М-м-м? – наконец произнес он.

– Насколько я понимаю, мне нужно к Волчу Шатунсу, Сл. Без., и. о., – сказал Моркоу.

– А что такое и. о.? – подозрительно осведомился стражник.

– Может, «Именно Он»? – высказал догадку Моркоу, который не раз ломал голову над загадочными буквами.

– Ладно, не знаю, как там насчет Сл. Без. и с чем эту штуку едят, – ответил стражник. – Но, по-моему, тебе нужен капитан Ваймс из Ночной Стражи.

– А где его можно найти? – вежливо спросил Моркоу.

– В это время дня лично я бы поискал в «Виноградной Горсти», что на Легкой улице, – ответил стражник. Он оглядел Моркоу с головы до ног. – Значит, в Стражу поступаешь?

– Надеюсь доказать, что достоин того, – кивнул Моркоу.

Стражник бросил на него взгляд, которому весьма подошло бы определение «загадочный». Загадкой было то, что в этом взгляде почему-то сквозила боль всего мира.

– И что же такое ты натворил? – спросил он.

– Прости? – не понял Моркоу.

– Ты, видать, шибко набедокурил, – уточнил стражник.

– Мой отец написал письмо, – гордо заявил Моркоу. – И меня согласились принять добровольцем.

– Черт подери, – только и смог ответить стражник.

И вот опять наступила ночь, а тем временем за жутким порталом...

– Должным ли образом раскручены Колеса Мучений? – поинтересовался Верховный Старший Наставник.

Стоящие вокруг стола Озаренные Братья беспокойно зашебуршились.

– Брат Сторожевая Башня? – спросил Верховный Старший Наставник.

– Я, что ли, за них отвечаю? – пробормотал брат Сторожевая Башня. – По-моему, Колеса Мучений раскручивает брат Штукатур...

– Ага, сейчас, как же, моя работа – смазывать Оси Вселенского Лимона, – горячо возразил брат Штукатур. – Вечно ты на меня сваливаешь...

Надежно укрытый в пещере своего капюшона Верховный Старший Наставник устало вздохнул – начался очередной раунд. И вот с этими отбросами ему предстоит построить Эру Милосердия?..

– Ладно, ладно, все молчите! – отрезал он. – В сущности, сегодня вечером Колеса Мучений не так уж и нужны. Прекратите, вы, оба. А теперь, братья, все ли вы принесли предметы, которые вам было указано принести?

Ответом было дружное бормотание.

– Поместите их в Круг Заклинания, – велел Верховный Старший Наставник.

Коллекция представляла собой жалкое зрелище. Он приказал им принести магические предметы. Но только брат Палец раздобыл что-то мало-мальски стоящее. С виду оно смахивало на украшение жертвенного алтаря, так что прошлым его назначением лучше было не интересоваться. Верховный Старший Наставник шагнул вперед и поддел носком один из прочих «предметов».

– Что, – осведомился он, – это такое?

– Амулет, – пробормотал брат Туговотс, – очень могущественный. Перекупил у одного человека. Действие гарантировано. Защищает от крокодильих зубов.

– Ты уверен, что сможешь прожить без такой ценной штуки? – презрительно осведомился Верховный Старший Наставник.

Остальные братья с готовностью захохотали, словно только и ждали подходящего момента.

– Поумерьте ваш пыл, братья, – резко повернулся к ним Верховный Старший Наставник. – Принесите магические предметы, велел я вам. А что я вижу? Дешевые безделушки и прочую чепуху! О небо, да город кишмя кишит волшебством! – Он вытянул указующий перст в сторону следующей жертвы. – Ну-ка, а вот это что за штуковины?

– Камни, – в голосе брата Штукатура звучала неуверенность.

– Это я и сам вижу. И что же в них магического?

Брата Штукатура начала бить крупная дрожь.

– В них дырки, Верховный Старший Наставник. Всем известно, что камни с дырками волшебные.

Верховный Старший Наставник прошествовал на свое место в кругу и простер руки вверх.

– Хорошо. Отлично. Прекрасно, – утомленно уронил он. – Раз так, значит, так тому и быть. Пусть будет по-вашему. Но если в итоге мы получим дракона шести дюймов длиной, то все мы будем знать, что послужило тому причиной. Или я не прав, брат Штукатур? Что-что? Прости, я не расслышал. Эй, брат Штукатур!

– Я сказал «да», Верховный Старший Наставник, – прошелестел брат Штукатур.

– Очень хорошо. Я невероятно рад тому факту, что мы достигли в этом вопросе взаимопонимания.

Верховный Старший Наставник взял в руки книгу.

– А теперь, – продолжил он, – если все мы готовы...

– М-м-м, – брат Сторожевая Башня робко поднял руку. – Готовы к чему, Верховный Старший Наставник? – спросил он.

– Призвать дракона, разумеется. О небо, я уже начал было думать...

– Но, Верховный Старший Наставник, вы же не сообщили нам, что мы должны делать, – слабым голосом простонал брат Сторожевая Башня.

Старший Наставник поколебался. Брат прав, но признавать его правоту он не намерен.

– Ах да, само собой, – сказал он. – Но это ведь очевидно. Все вы должны сконцентрироваться на драконе. То есть изо всех сил думайте о драконе, – торопливо перевел он. – Все разом.

– И это все? – спросил брат Привратник.

– Да.

– И нам даже не надо, это, как его, читать тайные струны? Или на них играют? Вы дадите нам какой-нибудь инструмент?

Верховный Старший Наставник в упор воззрился на вопрошавшего. От безымянной тени в черной рясе веяло вызовом, отважно брошенным угнетателю прямо в лицо, вернее в капюшон. Сразу было видно, брат Привратник вступил в тайное общество не для того, чтобы оставаться в стороне. Он спал и видел, когда наконец получит доступ к мистическим рунам. Или струнам – в общем, к чему бы там ни было.

– Ладно, – разрешил Верховный Старший Наставник. – Пусть каждый представит себе инструмент и играет на его тайных струнах. А теперь я хочу, чтобы вы – *да, брат Туговотс, что еще случилось!*

Маленький брат опустил руку.

– А я не умею играть ни на одном инструменте. Вообще не умею. У меня с детства нет слуха и...

– *Тогда пой какую-нибудь песенку, только заткнись!*

Он наконец открыл книгу.

Верховный Старший Наставник был приятно удивлен, когда, перелистав множество заполненных набожной чепухой страниц, обнаружил, что на самом деле заклинание Вызова представляет собой одно коротенькое предложение. Причем это даже не поэтический отрывок, не какая-то там разумная фраза, а просто бессмысленный набор слогов. Де Малахит утверждал, что эти самые слоги влияют на волны реальности, но, вероятнее всего, спятивший старик просто выдумал это объяснение. Беда с этими волшебниками, вечно они усложняют. На самом деле единственное, что требуется, – это сила воли. А у братьев этого добра хоть отбавляй. Безмозглая, брызжущая ядовитой слюной сила воли – может, слегка подточенная упорно подавляемой злостью, но все же по-своему могущественная...

Сегодня ничего особенного он делать не будет. Потихонечку, полегонечку...

Озаренные Братья монотонно гудели, каждый выводил нечто свое, то, что он считал мистическим и таинственным. Общий эффект неплохой, главное – к словам не прислушиваться.

Слова. О да...

Он взглянул на страницу и произнес их вслух.

И ничего не произошло.

Он сморгнул.

Когда же он вновь открыл глаза, то обнаружил, что находится в каком-то темном переулке, в животе у него полыхает пламя, а сам он очень, очень сердит.

В жизни Зеббо Мути, вора третьей категории, эта ночь была, наверное, самой неудачной, и вряд ли он почувствовал бы себя много счастливее, доведись ему узнать, что она также будет последней его ночью. Из-за дождя люди сиднем сидели по домам, и он серьезно недовыполнил квоту. Поэтому он и проявил несколько меньшую осмотрительность, чем в обычных обстоятельствах.

В ночное время на улицах Анк-Морпорка осторожность должна быть абсолютной. Нет такого понятия, как умеренная осторожность. Вы либо очень осторожны, либо мертвы. Вы еще ходите и дышите, но конечный исход уже predetermined – вы все равно мертвы.

Из ближайшего переуллка донеслись приглушенные звуки, напоминающие шаги. Зеббо Муть выпустил из рукава дубинку с кожаной рукояткой, выждал, когда жертва приблизится к

углу дома, за которым он прятался, бросился на нее, воскликнул: «Вот хре...» – и скончался на месте.

Смерть его была крайне необычной – или необычным, ведь на Плоском мире Смерть мужского пола. В общем, вот уже несколько сотен лет таким образом никто не умирал.

Каменная стена у него за спиной накалилась до вишневого оттенка, который постепенно таял, пока совсем не растворился в окружающем мраке.

Зеббо Муть был первым, увидевшим Анк-Морпоркского дракона. Хотя вряд ли это могло послужить утешением, ведь в итоге Зеббо Муть умер.

– «...нь», – закончил он, и его дематериализованное «я» посмотрело сверху на маленькую горстку древесного угля, бывшую раньше его телом, из которого Зеббо Муть только что дематериализовали.

Странное это ощущение – видеть собственные бранные останки. Впрочем, сейчас это казалось гораздо менее ужасным, чем он предположил бы, спроси вы его об этом, скажем, минут десять назад. Зрелище себя мертвого смягчается осознанием того факта, что на самом деле не кто иной, как вы сами, видите себя мертвым.

Противоположный конец переулка был совершенно пуст.

– Вот это да... – тихо произнес Муть.

– **ВЕСЬМА И ВЕСЬМА НЕОБЫЧНО, ТЫ ПРАВ.**

– Ты тоже видел? Что это было? – Муть поднял взгляд на темную фигуру, выплывающую из теней. – А кстати, ты кто такой? – подозрительно осведомился он.

– **УГАДАЙ,** – ответил голос.

Муть воззрился на фигуру в капюшоне.

– Начальник! – воскликнул он. – А я думал, к таким мелким сошкам, как я, ты не являешься!

– **Я ЯВЛЯЮСЬ К КАЖДОМУ.**

– Я хотел сказать... в смысле, лично.

– **ИНОГДА. В ОСОБЫХ СЛУЧАЯХ.**

– Ну да, ясно, – кивнул Муть, – это как раз один из таких случаев! Я имею в виду, морда у него была, как у самого настоящего дракона! Ну вот что мне было делать? Ведь не на каждом углу на драконов натыкаешься!

– **А ТЕПЕРЬ НЕ БУДЕШЬ ЛИ ТЫ ТАК ЛЮБЕЗЕН ПРОЙТИ СЮДА,** – произнес Смерть, кладя на плечо Мути скелетоподобную руку.

– Надо же, а гадалка предсказала мне, что я умру в собственной постели, окруженный скорбящими внуками, – промолвил Муть, следуя за величавой фигурой. – Ну, что ты на это скажешь?

– **СКАЖУ, ЧТО ОНА ОШИБЛАСЬ.**

– Проклятый дракон! – воскликнул Муть. – Огнедышащий к тому же. Я сильно мучился?

– **НЕТ. ВСЕ ПРОИЗОШЛО ПРАКТИЧЕСКИ МГНОВЕННО.**

– Хорошо. Было бы неприятно думать, что я скончался в муках. – Муть огляделся. – А что дальше-то? – спросил он.

У него за спиной капли дождя вбивали в грязь горстку пепла.

Верховный Старший Наставник открыл глаза. Он лежал на спине. Брат Туговотс собирался делать ему искусственное дыхание «рот в рот». Одной мысли об этом было достаточно, чтобы мгновенно привести в сознание кого угодно.

Наставник медленно сел, пытаясь стряхнуть ощущение, будто весит несколько тысяч тонн и весь покрыт чешуей.

– Мы сделали это, – прошептал он. – Дракон! Он пришел! Я чувствовал его!

Братья недоуменно переглянулись.

– А мы ничего не видели, – высказался за всех брат Штукатур.

– Я вроде как что-то заметил, – брату Сторожевой Башне хотелось быть верным Наставнику.

– Здесь вы и не могли ничего видеть, – отрезал Верховный Старший Наставник. – Вряд ли вам понравилось бы, если бы он материализовался прямо в этой комнате. Нет, он был там, в городе. Появился всего на несколько секунд...

Он вытянул руку:

– Смотрите!

Братья виновато повернулись, ожидая, что на них вот-вот изольется раскаленная лава справедливого возмездия.

Магические предметы, лежащие в центре круга, тихонько рассыпались в пыль. Амулет брата Туговотса раскололся на несколько кусочков.

– Это надо ж! – прошептал брат Палец. – Чтоб мне сквозь землю провалиться!

– Я целых три доллара за него отдал, – пробормотал брат Туговотс.

– Вот оно, наглядное доказательство нашего успеха, – возвестил Верховный Старший Наставник. – У нас получилось! Мы в самом деле можем вызывать драконов!

– Только это чуть дороговато. В смысле волшебных предметов, – с сомнением в голосе откликнулся брат Палец.

– ...*Три доллара, с ума сойти! Целых три, это вам не пустяк какой...*

– Власть, – рыкнул на него Верховный Старший Наставник, – не дается задешево.

– Тут вы в точку попали, – кивнул брат Сторожевая Башня. – Дорого она нам обошлась, эта власть. В самую что ни на есть точку. – Он вновь посмотрел на горстку пепла, оставшуюся от магических предметов. – Однако мы ведь сделали это, правда? Первая попытка – и все у нас получилось!

– Видите? – сказал брат Палец. – Я ж говорил вам, ничего страшного в этом нет.

– Вы все действовали исключительно хорошо, – ободряюще заметил Верховный Старший Наставник.

– ...*Просил за него все шесть, а потом сказал, мол, себя режу без ножа, но ладно, так уж и быть, пусть будет три...*

– Да-а, – протянул брат Сторожевая Башня. – Теперь-то до нас дошло! И нисколки это не больно и не опасно. Мы тут настоящее волшебство сотворили! И никаких тебе демонов, брат Штукатур, что бы ты там ни обещал. Видишь, нас никто никуда не утащил!

Прочие братья закивали. Настоящее волшебство. Никакой опасности. Просто остороженько надо, вот и весь секрет.

– Постойте-ка, – прервал всеобщее ликование брат Штукатур. – А куда этот дракон подевался? Ну, мы ведь взаправду его вызвали? Или нет?

– Вечно ты задаешь всякие глупые вопросы... – с сомнением в голосе отозвался брат Сторожевая Башня.

Верховный Старший Наставник отряхнул со своего мистического одеяния пыль и торжественно возвестил:

– Мы призвали его, и он пришел. Но оставался здесь только до тех пор, пока действовало волшебство. А потом вернулся обратно. Если мы хотим, чтобы он оставался дольше, потребуется большее количество магии. Понятно? Именно ее получением нам и следует заняться.

– ...*Три доллара... Были да сплыли...*

– Эй, там, заткнись, а?!!

«Дорогой отец, – писал Моркоу, – вот я и в Анк-Морпорке. Здесь все не как дома. Видно, город немного изменился с тех пор, как здесь был прапрадедушка господина Лосняги. Мне лично кажется, что местные жители не умеют отличать Добро от Зла.»

Я нашел капитана Ваймса в обыкновенном трактире. Я помню, ты говорил мне, что хороший гном не ходит в такие места, но поскольку капитан Ваймс никак не выходил наружу, то я вошел внутрь. Он сидел там, положив голову на стол. Когда я заговорил с ним, он сказал, Выбери кого-нибудь другого, сынок, у меня в голове и так звон страшный. Думаю, это потому, что он был здорово набравшись. Он велел мне найти место, где остановиться, а вечером зайти в штаб и доложить о своем прибытии сержанту Колону. Он сказал, Тот, кто добровольно вступает в Городскую Стражу, должен провериться, все ли у него в порядке с головой.

Об этом господин Лосняга не упоминал. Может, здесь преследуются соображения той самой богини, о которой ты мне рассказывал, ну, Гиены-Ги. Но ты ведь постриг меня прямо перед отъездом.

В общем, я пошел прогуляться. Людей здесь очень много. Я забрел в одно место, оно называется Тени. А потом я увидел, как несколько мужчин пытаются ограбить юную Даму. Я занялся ими. Они совсем не умели драться, и один из них попытался ударить меня в Жизненно-Важные Органы, но я, как мне было велено, ношу Защитное Приспособление, и он только ушибся. После этого Дама подошла ко мне и спросила, Не хочу ли я в Постельку. Я ответил, да, хочу. И она отвела меня к себе домой. Ее дом почему-то называется «бардель» – видимо, это от слова «бардак», там все время суета, поскольку живут сплошные Дамы. Этот дом содержит госпожа Лада. Та юная Дама, чей кошелек я спас, ее зовут Рит, сказала, Это надо было видеть, их было трое, просто поразительно. А госпожа Лада сказала, За счет заведения. А еще сказала, Какое большое Защитное Приспособление. Так что я пошел наверх и заснул, хоть место и очень шумное. Рит пару раз будила меня и спрашивала, Хочешь ли ты чего-нибудь, но яблок у них не оказалось. Так что я С Луны Свалился, как они здесь выражаются, только я не понимаю, как это возможно, ведь чтобы откуда-то свалиться, надо туда сначала забраться, а кто же может забраться на луну? Это называется Здравый Смысл.

Работы здесь непочтатый край, это точно. По пути к сержанту Колону я увидел здание с вывеской «Гильдия Воров», представляешь!! Я спросил об этой гильдии у госпожи Лады, и она ответила, Все нормально. И добавила, Там встречаются главные воры в городе. В общем, я пошел в штаб-квартиру Ночной Стражи и познакомился там с сержантом Колоном, очень толстым человеком, и когда я рассказал ему о Гильдии Воров, он сказал, Не будь идиотом. Хотя вряд ли он говорил всерьез. Он сказал, Гильдия Воров не должна волновать тебя, Все, что тебе надо делать, это ходить по Улицам Ночью и кричать, Двенадцать Часов и Все Спокойно. Я спросил, А что, если не все на улице будет спокойно, и он ответил, Ты поступишь чертовски умно, если найдешь другую улицу.

Это не Правильное Руководство.

Мне выдали кольчугу. Она ржавая и плохо выкована.

За работу стражником платят деньги. 20 долларов в месяц, вот сколько. Когда я получу их, то сразу пошлю вам.

Надеюсь, у вас все хорошо и Ствол номер 5 открыли. Сегодня днем еще раз навещу Гильдию Воров. Это позор. Я должен что-то предпринять, и это деяние будет достойным началом моей Службы.

*Я уже начинаю Всасывать, как здесь разговаривают.
Ваш. любящий сын, Моржоу.*

*Р. С. Пожалуйста, передайте Мятке, что я люблю ее всем сердцем. И
очень скучаю по ней».*

Лорд Витинари, патриций Анк-Морпорка, прикрыл глаза рукой.

– *Что он сделал?*

– Меня *провели* по улицам! – воскликнул Урдо ван Пью, в данный момент Президент Гильдии Воров, Карманников, Взломщиков и Прочих Работников Ножа и Топора. – Среди бела дня! Со связанными руками!

Потрясая гневно воздетым пальцем, он сделал несколько шагов в направлении изысканного кресла патриция.

– Вам прекрасно известно, что за рамки Бюджета мы не выходили, – продолжал ван Пью. – И подвергнуться такому *унижению!* Как будто я обычный преступник! Я требую извинений по *всей* форме, – добавил он, – иначе вам придется иметь дело с очередной забастовкой. Мы будем вынуждены прибегнуть к ней, несмотря на наше врожденное чувство гражданской ответственности.

Палец. Вот с пальцем он дал маху. Патриций холодно взирал на палец ван Пью. Президент Гильдии Воров проследил за его взглядом и быстро опустил руку. Патриций не тот человек, которому можно грозить перстом, если только он у тебя не лишний.

– Так ты утверждаешь, это был один-единственный стражник? – произнес лорд Витинари.

– Да! И... – Ван Пью заколебался.

Это действительно звучало странно – теперь, когда он описывал происшествие другому человеку.

– Но вас же там сотни, – спокойно заметил патриций. – Полным-полно, как, прости за выражение, собак нерезаных.

Рот ван Пью несколько раз открылся и закрылся. Честный ответ звучал бы так: да, и если кому вздумается красться по нашим коридорам, высматривая и вынюхивая, то тем хуже для него. Но этот умник ввел всех в заблуждение именно тем, что вошел так, как будто он здесь хозяин. Этим и еще тем, что укладывал всех встречающих вдоль стен и велел им Не Препятствовать.

Патриций кивнул.

– Я займусь этим, не откладывая на долгий ящик, – сказал он.

Хорошее выражение. Собеседник, услышав его, начинает теряться в догадках. Так сразу и не определишь, что патриций имел в виду: то ли он займется делом *прямо сейчас*, то ли займется им *вскоре*. Но уточнять никто не решался.

Ван Пью расслабился.

– Прошу заметить, мне нужно официальное извинение. Нужно держать марку, – добавил он.

– Да, да, конечно. А то вместе с маркой может упасть и голова, – ответил патриций, в очередной раз играя словами на собственный, оригинальный манер.

– Верно. Хорошо. Спасибо. Очень хорошо, – забеспокоился вор.

– В конце концов, у тебя много работы, – продолжал лорд Витинари.

– Да, конечно, это так.

Вор заколебался. Последнее замечание патриция содержало в себе скрытый яд. Оно заставляло насторожиться в ожидании нападения.

– Э-э... – произнес он, надеясь услышать ключ к разгадке.

– Когда проворачивается такое количество дел, вот что я хочу сказать.

На лице вора явственно отобразилась паника. По сознанию лихорадочно заскакало чувство вины. Вопрос не в делах – вопрос в том, о каком из «дел» патриций пронюхал. У этого человека глаза повсюду, и ни одни из них не ужасают так, как эти, настоящие, – синие и льдистые, вперившиеся в него сейчас.

– Я, э-э, не вполне улавливаю... – начал он.

– Занятный выбор мишеней. – Патриций взял в руки лист бумаги. – К примеру, хрустальный шар, принадлежащий гадалке с Чистой Воды улицы. Небольшое украшение из храма Бога-Крокодила Оффлера. И тому подобное. Безделушки.

– Боюсь, я и в самом деле не в курсе, – почесал в затылке главный вор.

Патриций наклонился вперед.

– Надеюсь, нелегализованным воровством здесь даже не пахнет? – спросил он⁶.

– Я лично разберусь с этим вопросом! – заикаясь, пробормотал ван Пью. – Положитесь на меня.

Патриций улыбнулся ему сладкой улыбкой.

– Именно так я и поступлю, – промолвил он. – Спасибо, что заглянул. Не смею больше задерживать.

Вор попятился. Вечно так с патрицием, с горечью подумал он. Приходишь к нему с абсолютно оправданной жалобой. Но вскоре ты уже пятишься к дверям, кланяясь и расшаркиваясь, пребывая на седьмом небе от счастья просто от того, что тебя отсюда выпустили. Да уж, тут надо отдать патрицию должное, с неохотой признал ван Пью. Иначе он пошлет своих людей и возьмет это должное сам.

Когда вор ушел, лорд Витинари позвонил в бронзовый колокольчик, предназначенный для вызова секретаря. Последнего, несмотря на уже упоминавшуюся загадочную подпись в конце письма, звали Волч Воунз. Воунз появился незамедлительно, с ручкой наготове.

Волч Воунз целиком и полностью соответствовал своей должности. Он был воплощением аккуратности. Его облик неизменно создавал впечатление завершенности. Даже волосы его были так прилизаны, настолько густо смазаны маслом, что казалось, их просто нарисовали на обтянутом кожей черепе.

– Похоже, у Стражи возникли какие-то проблемы с Гильдией Воров, – начал патриций. – Здесь побывал ван Пью, и он заявил, что его посмел арестовать кто-то из наших стражников.

– За что, ваша милость?

– Очевидно, за то, что он вор.

– Кто-то из наших стражников? – переспросил секретарь.

– Да, да, я тебя прекрасно понимаю. А теперь иди и разберись.

Патриций улыбнулся собственным мыслям.

Своеобразное чувство юмора патриция нелегко было понять, но образ краснолицего, разгневанного президента Гильдии Воров возвращался к нему снова и снова.

Одним из величайших вкладов патриция в надежность функционирования гигантской машины под названием Анк-Морпорк стала легализация древней Гильдии Воров. Причем сделано это было сразу, как только патриций вступил во власть. Он рассуждал совершенно логично: преступность всегда сопровождала нас, и если от этого никуда не деться, то пусть она по крайней мере будет *организованной*.

Исходя из этого, к Гильдии обратились с призывом выйти из подполья и построить свой Дом Гильдии, занять законное место на городских банкетах и открыть собственный колледж

⁶ Одним из выдающихся нововведений патриция было то, что он сделал Гильдию Воров *ответственной* за воровство со всеми вытекающими отсюда последствиями в виде ежегодного бюджета, планирования и, самое главное, налаженной системы охраны труда. Таким образом, в ответ на обговоренный годовой уровень преступности ворами была предоставлена возможность самим вершить Справедливость (или в данном случае Несправедливость) над теми, кто посмел действовать без соответствующей лицензии. Как правило, воровскую Справедливость символизировала утыканная гвоздями дубинка.

с краткосрочными курсами, дипломами, всеми необходимыми официальными печатями и так далее. В обмен на сокращение численности Городской Стражи воры, честно глядя в глаза патрицию, пообещали не превышать устанавливаемый ежегодно уровень преступности. При такой постановке вопроса, счел лорд Витинари, все смогут прогнозировать ситуацию, и хаос жизни лишится значительной части своей неопределенности.

Затем, короткое время спустя, патриций вновь собрал ведущих воров и сказал: «О, кстати, имеет место еще кое-что. В чем проблема? Ну, понимаете...

Мне теперь известно, кто вы такие, – сказал он. – Я знаю, где вы живете. Знаю, на каких лошадях ездите. Знаю, где ваши жены делают прическу. Знаю, где ваши прелестные детишки, – а сколько им сейчас? о, как быстро летит время! – итак, я даже знаю, где они играют. Так что, надеюсь, вы не забудете, о чем мы договорились?» В конце своей речи он улыбнулся.

Ворам тоже пришлось улыбнуться.

В итоге все остались довольны и никто не ушел обиженным. Главным вору потребовалось на удивление мало времени, чтобы отрастить брюшко, нашить себе одеяний с гербами и начать проводить сборища в приличных банкетных залах, вместо того чтобы собираться в душных и прокуренных вертепах, которые никто особо не любил. Сложная система квитанций и товарных чеков гарантировала, что хотя в качестве объекта внимания Гильдии мог быть выбран любой из жителей Анк-Морпорка, все же передозировка никому не грозила, и многих это устраивало – по крайней мере ту часть граждан, которые были достаточно богаты, чтобы позволить себе выплату Гильдии вполне умеренных премий за возможность спокойно жить. Эту систему обозвали странным заморским словом «страх-и-в-ванне». Никто не мог сказать точно, что оно значило изначально, но Анк-Морпорк вложил в него собственное значение.

Стражники, конечно, в восторг не пришли, однако очевидная реальность заключалась в том, что воры контролировали преступность значительно лучше, чем это когда-либо получалось у Городской Стражи. Теперь стражникам приходилось лезть из кожи вон, работая вдвое больше, чтобы хоть чуть-чуть сократить уровень преступности, в то время как все, что требовалось от Гильдии Воров, это чуточку меньше работать.

И вот город процветал, а Стража тем временем тихо чахла, словно бесполезный придаток, покуда не превратилась в горстку жалких безработных неудачников, которым идти было совсем некуда, разве что в Городскую Стражу, и к которым ни один здравомыслящий человек не стал бы относиться серьезно.

Наоборот, теперь стражникам всячески намекали, чтобы они выбросили из головы эту дурь – бороться с преступностью. Но пусть главный вор еще немного поволнуется – такая игра стоит свеч, решил патриций.

Капитан Ваймс постучал – очень неуверенно, поскольку каждый удар эхом отдавался у него в черепе.

– Войдите.

Ваймс снял шлем, запихал его в сгиб локтя и толкнул дверь. Она отворилась со скрипом, распилившим его мозг напополам тупой пилой.

В присутствии Волча Воунза он всегда чувствовал себя неловко. Если уж на то пошло, в присутствии патриция он тоже ощущал неловкость – но то совсем другое, там вступали в действие природные инстинкты. Ну и обыкновенный страх, конечно. В то время как Воунза он знал с раннего детства, которое протекало в Тенях. Уже тогда этот пацан подавал большие надежды. Нет, в главарях банды он не ходил. Силенок не хватало, кишка была тонка. Да и, в конце концов, что толку быть главарем банды? Каждому главарю банды дышит в спину пара каких-нибудь молодых да ранних «лейтенантов», жаждущих занять его место. Главарь банды – здесь долгосрочных перспектив нет. Но в каждой банде имеется свой бледный малыш, которого держат потому, что именно от него исходят все умные идеи, связанные, как правило, с

пожилыми женщинами и незапертыми магазинами. Естественно, что в мироздании Теней эту нишу занимал Воунз.

Тогда как Ваймс был одним из «средних чинов», таким мальчиком на подпевках, чья роль ограничивается только одним: в нужный момент пропеть «да». В его памяти Воунз остался костлявым пацаненком, вечно волочащимся где-то позади в потрепанных, доставшихся от многочисленных старших братьев штанах. А передвигался Воунз забавным «подпрыгом», который он выработал, чтобы не отставать от прочих мальчишек. Однако идеи он выдавал одну за другой – так он отвлекал вышестоящее руководство от ленивого и не всегда для Воунза приятного «прикалывания» над ним, их любимого времяпрепровождения в те промежутки, когда что-либо более захватывающее отсутствовало. В преддверии зрелости это была идеальная тренировка, и Воунз воистину достиг высот.

Да, жизненный путь обоих мальчишек начался в канаве. Но Воунз всеми силами выкарабкивался оттуда, в том время как Ваймс, чего он и не отрицал, всего лишь *плыл по течению*. Иной раз казалось, вот-вот, и он поднимется на ступеньку повыше – так нет ведь: то выскажется начистоту, то ляпнет что-нибудь не то. Обычно и то и другое одновременно.

Вот что заставляло его испытывать неловкость в присутствии Воунза. Оглушительное тиканье начищенного будильника честолюбия.

Ваймс так и не овладел азами честолюбия. Честолюбивые намерения испытывал кто угодно, только не он.

– А, Ваймс.

– Так точно, – деревянным голосом откликнулся Ваймс.

Он даже не стал пытаться отдать честь – во избежание стремительного падения. Жаль, не нашлось времени выпить ужин.

Воунз порылся в грудях бумаг на столе.

– Странные вещи творятся, Ваймс. Боюсь, на вас поступила серьезная жалоба.

Воунз наконец оторвался от своих бумаг. Очков он не носил. Но если бы носил, то непременно воззрился бы на Ваймса поверх них.

– Ваша милость?

– Один из солдат Ночной Стражи. Похоже, он арестовал главу Гильдии Воров.

Ваймс слегка покачнулся и постарался сосредоточиться. К такому обороту он не был готов.

– Прошу прощения, ваша милость, – выдавил он. – Я, по-моему, что-то не так понял.

– Я *сказал*, Ваймс, что один из твоих людей арестовал главу Гильдии Воров.

– Один из моих людей?

– Да.

Рассеявшиеся мозговые клетки Ваймса отважно пытались перегруппироваться.

– Солдат *Ночной Стражи*? – выговорил наконец он.

Воунз невесело улыбнулся.

– Связал его и оставил перед дворцом. Это дело слегка попахивает. Тут был еще документ... а... вот он... «Согласно статье 14 (пункты г, д, е) Гражданского Уголовного Кодекса от 1678 года сей человек обвиняется в участии в Преступном Сговоре. Подпись: Моркоу Железобетонссон».

Ваймс напряженно покосился на Воунза:

– Четырнадцать «где»?

– Понятия не имею.

– И что это означает?

– Кабы я знал, – сухо ответил Воунз. – Так что насчет этого, как его, Моркоу?

– Но мы не делаем ничего такого! – воскликнул Ваймс. – Нельзя просто так взять и арестовать члена Воровской Гильдии. Я хочу сказать, если б можно было, мы бы день и ночь этим занимались, но ведь нельзя!

– Очевидно, этот твой Моркоу считает иначе.

Капитан затряс головой и поморщился от боли.

– Моркоу? Первый раз слышу.

Перед мутной убежденностью, с которой были произнесены эти слова, даже Воунз отступил.

– Но он... – Тут секретарь вдруг что-то вспомнил. – Моркоу, Моркоу... – проговорил он. – Это имя я раньше слышал. Нет, видел его написанным. – Его лицо утратило всякое выражение. – Доброволец, вот кто он такой! Помнишь, я показывал тебе письмо?

Ваймс уставился на него:

– То самое? От какого-то там, как его, гнома?

– Точно. Там еще упоминалось служение обществу и создание безопасных условий на улицах. Он просил, чтобы его сына сочли достойным и приняли в Городскую Стражу.

Секретарь зарылся в свою картотеку.

– А что он натворил?

– Ничего. В этом-то все и дело. Ничегошеньки. Чист как младенец.

Бровь Ваймса напряженно изогнулась, отражая отчаянные мозговые усилия вспомнить крайне редкое, почти неупотребимое слово.

– *Доброволец?* – выговорил он.

– Да.

– И он вовсе не обязан был поступать на службу?

– Он *хотел* поступить на службу. Ты еще тогда сказал, это, мол, шутка, а я сказал, можно попробовать, надо чаще принимать в Городскую Стражу представителей этнических меньшинств. Припоминаешь?

Ваймс попытался. Припоминать было нелегко. Правда, он смутно помнил, что пил он именно для того, чтобы забыть. И допился до такой степени, что не помнил, что же ему все-таки нужно забыть. В конце концов он принялся пить, чтобы забыть о том, сколько он пьет.

Мешанина обрывочных картин – он уже и не пытался удостоить ее гордым именем Память – безмолвствовала.

– Помню ли я? – беспомощно сказал он.

Воунз сложил руки на столе и наклонился вперед.

– Послушай-ка, капитан, – сказал он. – Наш с тобой повелитель и господин желает объяснений. Мне очень не хочется объяснять ему, что капитан Ночной Стражи не имеет ни малейшего представления о том, что происходит среди людей, находящихся, с позволения сказать, под его командованием. Такие вещи приводят только к неприятностям, начинают задаваться ненужные вопросы и так далее. Мы ведь не хотим этого, не правда ли? Хотим или нет?

– Нет, ваша милость, – пробормотал Ваймс.

Его подсознание упорно буравило некое смутное воспоминание – кто-то что-то упорно втолковывал ему в «Виноградной Горсти». Точно, втолковывал. Но гном ли это был? Нет – разве что за последние несколько часов облик среднего гнома ни с того ни с сего разительно переменялся.

– Правильно, мы этого не хотим, – одобрительно кивнул Воунз. – Старые добрые времена, уж столько лет мы вместе и тому подобное. В общем, я подумаю, что сказать патрицию, а ты, капитан, поставь себе целью выяснить, что происходит, и положить этому конец. Преподайте этому гному краткий урок на тему: что такое быть настоящим стражником – хорошо?

– Ха-ха, – дежурно откликнулся Ваймс.

– Не понял? – нахмурился Воунз.

– О. Прошу прощения. Гному – краткий урок. Я было решил, что это своего рода этническая шутка. Ваша милость.

– Слушай, Ваймс, я отношусь к тебе с большим пониманием. Учитывая обстоятельства. Но теперь я хочу, чтобы ты взял ноги в руки и побыстрее разобрался с этим делом. *Понятно?*

Ваймс отдал честь. Мрачная депрессия, которая всегда подстерегала за углом, готовая воспользоваться моментом неожиданной трезвости, овладела его языком.

– Так точно, господин секретарь! – рявкнул он. – Я непременно прослежу, чтобы он твердо усвоил: арестовывать воров – это незаконно.

Сказал и тут же пожалел об этом. Вот если бы он не говорил таких вещей, то и жилось бы ему куда лучше. Был бы большим человеком, капитаном дворцовых стражников. Но в свое время патриций удачно пошутил – отдал под его начало Ночную Стражу.

Впрочем, Воунз уже не слышал его – читал новый документ, вытасенный из огромной кучи лежащих у него на столе бумаг. Если он и уловил сарказм, то никак этого не показал.

– Проследи, проследи, – только и сказал секретарь патриция.

«Дражайшая матушка, – писал Моркоу. – Сегодня было гораздо лучше. Я пришел в Гильдию Воров, арестовал там главного Злодея и волоком притащил его во дворец патриция. Больше он не сможет творить свои злодеяния. По крайней мере, я так думаю. И госпожа Лада говорит, что я могу оставаться жить на чердаке, мол, всегда полезно иметь поблизости мужчину. Это было потому, что прошлой ночью пришли Здорово Набравшиеся Мужики, они стали Буянить в одной из Комнат Девушек, и мне пришлось поговорить с ними, но они были Настроены на Драку, и один из них попытался ударить меня коленом, но на мне было Защитное Приспособление, и госпожа Лада говорит, что он сломал себе Коленную Чашечку, но за новую платить не надо.

Некоторых обязанностей Стражи я не понимаю. У меня есть напарник, его зовут Шнобби. Он говорит, что я слишком умный. А еще он говорит, что мне нужно многому научиться. Наверное, это правда, потому что я дошел только до Страницы 326 «Законов и Постановлений Городов Анка и Морпорка».

*Большой привет всем,
Твой Сын, Моркоу. P. S. Большой привет Мятке».*

Дело не только в одиночестве, дело в перевернутом с ног на голову образе жизни. Вот в чем дело, думал Ваймс.

Ночная Стража выходила на дежурство, когда весь остальной мир укладывался в постельку, и ложилась спать, когда над Дисксом начинали плыть волны рассвета. Всю свою жизнь вы проводите на мокрых темных улицах, в мире теней. Ночная Стража привлекала людей того типа, которые по той или иной причине имели склонность к такой жизни.

Он приближался к штаб-квартире Ночной Стражи. Это здание было древним и удивительно большим; с одной стороны его подпирала кожевенная мастерская, а с другой – магазинчик портного, изготавливавшего подозрительного вида кожаные изделия. Когда-то давно здание, должно быть, производило впечатление, но сейчас большей частью оно пустовало, и некоторые этажи посещались лишь совами и крысами. Выбитый над входной дверью девиз на древнем языке города почти истерся от времени, вьевшейся грязи и плесени, однако еще можно было разобрать следующие буквы:

FABRICATI DIEM, PVNC

В переводе это значило «Защищать и Служить» – со слов сержанта Колона, который служил в иностранных частях и считал себя немалым специалистом в языках.

Да, в прежние времена служить в Городской Страже было честью.

Ох уж этот сержант Колон, подумал Ваймс, на ощупь пробираясь по сумрачному помещению со спертым воздухом. Самый что ни на есть любитель темноты. Тридцатью годами счастливого брака сержант Колон был обязан именно тому факту, что госпожа Колон работала весь день, а сам сержант Колон – всю ночь. Общались они с помощью записок. Прежде чем уйти в ночное, он готовил ей чай, а она по утрам оставляла ему в печке вкусно приготовленный горячий завтрак. У них было трое взрослых детей, рожденных, как предполагал Ваймс, в результате использования чернил с повышенной проникаемостью.

А уж касаясь капрала Шноббса... в общем, любой человек, смахивающий на Шнобби, имеет более чем достаточно причин прятаться от глаз людских. Как раз тут вопросов не возникает. Сказать, что Шнобби обладает звериной внешностью, означало бы нанести смертельное оскорбление всему животному миру.

Ну и сам капитан Ваймс. Костлявая, небритая коллекция дурных привычек, маринованных в алкоголе. И вот эта компания составляет Ночную Стражу. Всего трое. Когда-то их были десятки, сотни. А теперь – только трое.

Ощупывая руками стены, Ваймс поднялся по лестнице, проковылял в кабинет, рухнул в первобытное, давным-давно продавленное кожаное кресло, пошарил в верхнем ящике, вытащил оттуда бутылку, вцепился зубами в пробку, потянул, выплюнул пробку, отпил. Рабочий день начался.

Мир перед глазами медленно обрел очертания.

Жизнь не более чем химия. Капля здесь, капелька там, глядишь, все и изменилось. Немного забродившего сока – и внезапно оказывается, что ты можешь протянуть еще несколько часов.

Когда-то в стародавние времена, когда этот район считался приличным, некий полный надежд хозяин расположенного по соседству трактира заплатил одному волшебнику значительную сумму, чтобы тот сделал ему светящуюся надпись, каждую букву своим цветом. Теперь надпись включалась, когда ей заблагорассудится, и время от времени замыкалась от влаги. На данный момент буква «И» была кричаще-розовой и время от времени беспорядочно вспыхивала.

Ваймс привык к этому. Это стало вроде как частью жизни. Некоторое время он не отрываясь созерцал мерцающую игру света на осыпавшейся штукатурке, а затем поднял обутую в сандалию ногу и тяжело постучал по деревянному полу, дважды.

Раздавшийся через несколько минут отдаленный прерывистый хрип послужил верным признаком того, что сержант Колон добрался до лестницы.

Ваймс начал считать про себя. На верхней лестничной площадке Колон неизменно притормаживал и ровно шесть секунд восстанавливал дыхание.

На седьмой секунде дверь отворилась. В проеме, подобное полной луне, возникло лицо сержанта.

Наиболее точным описанием сержанта Колона будет следующее: он принадлежал к той категории людей, которые, выбрав военную карьеру, навсегда остаются в должности сержанта. Их абсолютно невозможно представить капралами. Или, если уж на то пошло, капитанами. Если же такой человек изберет иное поприще, то окажется, что он словно скроен для профес-

сии, скажем, мясника или колбасника – одним словом, для той работы, для которой требуются большое красное лицо и способность истекать потом даже в самый лютый мороз.

Он отдал честь и бережно положил на стол Вайм-са истрепанный лист бумаги.

– Добрый вечер, капитан, – поприветствовал он. – Доклад о вчерашних происшествиях и все такое. А еще ты задолжал четыре пенса «Чайному Клубу».

– Что там с этим гномом, сержант? – резко оборвал его Ваймс.

Бровь Колона дрогнула.

– С каким таким гномом?

– Который только что вступил в Ночную Стражу. Его зовут... – Ваймс поколебался, – Моркоу или что-то в этом роде.

– Моркоу? – У Колона отвалилась челюсть. – Так он *гном*? Я всегда говорил, нельзя верить этим мелким негодьям на слово! Вот подлец, мелюзга паршивая! Он надул меня, капитан, наврал насчет своего роста! – Сержант Колон слыл закоренелым «размеристом» – он искренне считал, что не стоит верить тому, кто ниже тебя ростом.

– Тебе известно, что сегодня утром он арестовал президента Воровской Гильдии?

– За что?

– Видно, за то, что он президент Гильдии Воров.

Физиономия сержанта приняла озадаченное выражение.

– А в чем тут преступление-то?

– Пожалуй, лучше мне поговорить с самим Моркоу, – вздохнул Ваймс.

– А разве ты его не видел? – удивился Колон. – Он говорил, что докладывался тебе.

– Ах да, совсем забыл. Закрутился. Масса дел, знаешь ли. – Тон у Ваймса стал озабоченным.

– Да, сэр, – вежливо сказал Колон.

У Ваймса хватило совести отвести глаза и начать рыться в кипах бумаг, высящихся на столе.

– Надо как можно скорее убрать его с улиц, – пробормотал он. – Иначе следующей новостью станет арест главы Гильдии Убийц – за то, что он чертовски хорошо управляет с ножом и прочими инструментами! Где Моркоу?

– Я послал его в патруль, на пару с капралом Шноббсом, капитан. Подумал, пускай Шноббси покажет мальчишке все ходы и выходы, вроде того.

– Ты послал новобранца в паре со Шноббсом?! – Ваймс утомленно закатил глаза.

Колон замялся:

– Да, сэр, я так подумал, капрал человек опытный, может многому его научить...

– Остается только надеяться, что пацан плохо поддается учебе, – пробурчал Ваймс, нахлобучивая на голову коричневый от ржавчины металлический шлем. – Пошли.

Когда они вышли из штаба, их взорам предстала прислоненная к стене таверны лестница. Грузный мужчина на верхней перекладине изрыгал под нос проклятия и сражался со светящейся вывеской.

– «И» плохо работает, – окликнул Ваймс.

– Что?

– «И». А «Т» шипит, когда идет дождь. Самое время чинить.

– Чинить? О. Ну да. Чинить. Спасибо большое. Обязательно почию. Собственно, уже почию.

Стражники зашлепали по лужам прочь. Брат Сторожевая Башня медленно покачал головой, а затем вновь уставился на отвертку.

Людей, подобных капралу Шноббсу, можно встретить в рядах любых вооруженных сил. Несмотря на энциклопедические знания всяческих Законов и Постановлений, они всеми

правдами и неправдами умудряются не продвинуться дальше, скажем, капрала. Разговаривал Шноббс, едва открывая рот. И не переставая курил, но странная особенность, заметил Моркоу, заключалась в том, что любая выкуриваемая Шноббсом сигарета превращалась в бычок почти мгновенно, а потом *оставалась* бычком навсегда или пока капрал не засовывал ее за ухо, напомилавшее собой никотиновый вариант слоновьего кладбища. В тех редких случаях, когда капрал извлекал-таки бычок изо рта, он держал его большим и указательным пальцами, пряча в ладони.

Шноббс был кривоногим коротышкой, несколько смахивающим на шимпанзе – только этого шимпанзе на съемки для календарей никогда не приглашали и не пригласят.

Относительно возраста капрала трудно было сказать что-то определенное. Но судя по его цинизму и общей усталости от мира – качествам, кислотой разъедающим человеческую личность, – Шноббсу было не меньше семи тысяч лет.

– На этом маршруте можно хорошо пожить, – ухмыльнулся он, когда оба стражника повернули на мокрую улицу в торговом квартале.

Он дернул за ручку двери. Дверь оказалась запертой.

– Держись меня, – добавил Шноббс, – и я прослежу, чтобы дела у тебя шли как надо. А теперь начинай дергать за все ручки на другой стороне улицы.

– А. Понятно, капрал Шноббс. Мы должны проверить, все ли владельцы магазинов и лавок заперли свои заведения.

– Схватываешь на лету, сынок.

– Надеюсь, что вскоре схвачу на месте преступления какого-нибудь злодея, – с жаром воскликнул Моркоу.

– Э-э, да, – неуверенно протянул капрал.

– А если мы обнаружим незапертую дверь, то немедленно позовем хозяина, – продолжал Моркоу. – Но один из нас должен будет остаться в доме, чтобы охранять товар, верно?

– Да? – Шноббс просиял. – Я возьму это на себя, – радостно заявил он. – Не тревожься. Твое дело разыскать жертву. Я хотел сказать, хозяина.

Он попробовал очередную ручку. Та повернулась.

– У нас в горах, – продолжал рассуждать Моркоу, – вора, пойманного на месте преступления, подвешивали за... вздергивали на... – Он сделал паузу, мечтательно дергая за ручку.

Рука Шноббса, уже собиравшаяся открыть дверь, застыла.

– Подвешивали? Вздергивали? – зачарованный жуткой картиной, переспросил он.

– Никак не могу вспомнить, что именно с ними делали, – ответил Моркоу. – Но моя мама говорила, что негодьям досталось по заслугам. Красть – это Плохо.

Шноббс пережил множество кровавых стычек. У него был один особый прием, который всегда выручал его: Шноббс просто никогда не участвовал в такого рода стычках. Капрал отпустил дверную ручку и любовно ее похлопал.

– Ага! – воскликнул Моркоу.

Шноббс подпрыгнул.

– Что? – заорал он.

– Вспомнил, что мы с ними делали, – сообщил Моркоу.

– О, – утомленно вздохнул Шноббс. – И что же?

– Мы подвешивали их на центральной площади, – с готовностью разъяснил Моркоу. – Иной раз оставляли там на несколько дней. И больше они за старое не брались. Вот и все, дело в каске, как говорится.

Шноббс прислонил пику к стене и выудил из заушных хранилищ бычок. Так, про себя решил он, надо бы кое-что прояснить.

– Слушай, парень, а как тебя угораздило стать стражником? – задумчиво спросил он.

– Все без конца меня об этом спрашивают, – пожал плечами Моркоу. – И вовсе меня не угораздило. Я сам этого захотел. Служба в Городской Страже сделает из меня Мужчину.

Шноббс никогда не смотрел собеседнику прямо в глаза. На этот раз он едва не изменил своей привычке, но, вовремя совладав с собой, в изумлении уставился на ухо Моркоу.

– Ты хочешь сказать, что у тебя нет никаких причин скрываться? – недоверчиво уточнил он.

– А с какой стати мне от кого-то скрываться?

Шноббс замолк, подыскивая слова.

– Ну... – наконец пробормотал он. – Всякое бывает. Может... может, на тебя возвели напраслину или что-то в этом роде. Например, – он ухмыльнулся, – может, товар какой вдруг непонятно куда подевался, и тебя несправедливо обвинили. А может, наоборот, кое-какой товар нашли у тебя в подушке, а тебе и невдомек, как он туда попал. Понимаешь, о чем я? Не бойсь, старина Шноббс тебя не выдаст. Или, – он подпихнул Моркоу локтем, – в другом месте собака порылась? Шурши, мля, дам, а? У девушки из-за тебя неприятности?

– Я... – начал было Моркоу, но тут же вспомнил, что таки да, следует говорить правду, даже чудачкам вроде Шноббса, которые, похоже, понятия не имеют, что такое правда.

А правда заключается в том, что у Мятки из-за него действительно были неприятности, но почему – этого он так и не понял. Практически каждый раз, как он навещал Мятку в пещере Скалшмакеров, уходя, он слышал, как отец с матерью кричат на нее. С ним они были неизменно вежливы, но почему-то стоило им увидеть их с Мяткой вместе, как неприятности ей были обеспечены.

– Из-за девушки, – наконец признался он.

– А! Такое частенько случается, – мудро заметил Шноббс.

– Всю дорогу, – продолжал Моркоу. – Почти каждый вечер.

– Ух ты! – вырвалось у восхищенного Шноббса. Его взгляд скользнул вниз, на Защитное Приспособление. – Так, значит, вот почему ты носишь эту штуковину?

– Это как?

– Ладно, забудем, – предпочел не вдаваться в подробности Шноббс. – У каждого есть свой маленький секрет. Или большой, так тоже бывает. Даже у капитана. Он ведь с нами только потому, что его понизила Женщина. Как он говорит. Взяла и понизила.

– О боги! – охнул Моркоу. В голосе его прозвучало искреннее сострадание.

– Но я считаю, это потому, что он всегда говорит прямо, ничего не скрывая. Иногда высказывает все прямо в лицо патрицию, я лично слышал. Однажды заявил, что Воровская Гильдия не более чем куча воров или что-то в том же духе. Вот он и валандается с нами. Но, в общем, не знаю.

Шноббс задумчиво посмотрел на мостовую, а затем осведомился:

– А где ты остановился?

– Здесь неподалеку живет одна дама. Ладой ее зовут, – пустился в объяснения Моркоу.

Шноббс подавился попавшим не в то горло дымом.

– Это в Тенях, что ли? – просипел он. – И ты там ночуешь?

– Ну да.

– Каждую ночь?

– Ну, вообще-то, выходит вроде как каждый день. Да.

– И ты явился сюда, чтобы из тебя сделали мужчину?

– Да!

– Сомневаюсь, что мне понравилось бы жить там, откуда ты пришел, – вывел заключение Шноббс.

– Слушай, – с пылом воззвал вконец растерявшийся Моркоу. – Я пришел в город, потому что господин Лосняга сказал, что стоять на страже Законов и Постановлений – это лучшая профессия в мире. Это ведь правда?

– Ну... – замялся Шноббс. – Насчет этого... То есть насчет Законов и Постановлений... Я хочу сказать, *когда-то*, до того как появились все эти Гильдии и прочее... В наши дни закона вроде как и нет уже, все стало более... просто, что ли. В основном ты ходишь по улицам, звонишь в свой колокольчик и не высываешься.

Шноббс вздохнул. Потом издал сдавленное мычание, выхватил закрепленные на поясе песочные часы и уставился на песчинки, быстро скользящие из верхней колбы в нижнюю. Засунул часы обратно, вытащил из кожаной кобуры большой колокольчик и слегка потряс им.

– Двенадцать часов, – пробормотал он. – И все спокойно.

– Что, и это все наши обязанности? – спросил Моркоу, когда звонкое эхо замерло в отдалении.

– Более или менее. Более или менее. – Шноббс торопливо затянулся.

– Правда? Ни тебе ночных погонь по крышам? Ни тебе раскачивания на люстрах? Ничего такого? – разочарованно протянул Моркоу.

– Выбрось из головы эту чушь, – принялся с жаром убеждать его Шноббс. – Я в жизни не делал ничего подобного. И ни о чем таком мне даже не рассказывали. – Он выпустил огромный клуб дыма. – А гоняясь по крышам, можно подхватить простуду и умереть. С меня хватит колокольчика. Того же и тебе советую.

– А можно я попробую? – сгорая от любопытства, Моркоу потянулся к кожаной кобуре.

После разговора Шноббс был слегка не в себе. Только этим можно объяснить, почему он совершил ошибку – не говоря ни слова, вручил колокольчик Моркоу.

Несколько секунд Моркоу внимательно изучал загадочный предмет. Затем принялся рьяно размахивать им над головой.

– *Двенадцать часов!* – заорал он. – *И все спокооооо-о-йнаааа!*

Эхо, отпрыгивая от стен, заметалось по улице, но было быстро подавлено жуткой плотной тишиной. Лишь в ночной дали разгавкались собаки. Заплакал ребенок.

– Ш-ш-ш-ш! – зашипел Шноббс.

– Но ведь все и вправду спокойно? – доверчиво уточнил Моркоу.

– Если ты не уймешься, все очень быстро изменится! Дай сюда этот чертов колокольчик.

– Я не понимаю! – воскликнул Моркоу. – Слушай, у меня с собой эта книга, которую мне дал господин Лосняга, и...

Порывшись в карманах, он продемонстрировал капралу «Законы и Постановления».

Шноббс лишь пожал плечами.

– Никогда ни о чем подобном не слышал, – заявил он. – А теперь умолкни. Ни к чему поднимать такой шум. А то привлечешь сюда всяких разных. Давай быстрее за мной.

Схватив Моркоу за руку, он быстро потащил его по улице.

– Каких разных? – воскликнул Моркоу, сопротивляясь решительному натиску Шноббса.

– Плохих парней, – пробормотал тот сквозь зубы.

– Но мы же стражники!

– В самую точку! И нам ни к чему связываться со всякой швалью! Вспомни, что случилось с Гаскином!

– Но я не помню, что случилось с Гаскином, – растерянно признался Моркоу. – Кто такой Гаскин?

– А, это было еще до тебя, – промычал Шноббс. Он немного подуспокоился. – Бедолага. Но такое может случиться с каждым из нас. – Он оторвал взгляд от мостовой и уставился на Моркоу. – Все, хватит, ясно? Ты действуешь мне на нервы. Ночные погони, этого еще не хватало!

Он решительно зашагал прочь по улице. Обычно Шноббс передвигался несколько бочком, и сочетание решительной ходьбы с движением бочком создало любопытный эффект, как будто по мостовой прыгает краб.

– Но, но, – не унимался Моркоу, – в книжке сказано...

– Знать не знаю никаких книжек, – прорычал Шноббс.

Вид у Моркоу стал совершенно удрученный.

– Но есть Закон и... – попробовал робко возразить он.

Его слова – повезло, что не жизнь, – прервал огромный топор, со свистом вылетевший из-за ближайшей двери. Пугающего вида лезвие, вращаясь, рассекло воздух, врезалось в противоположную стену и отскочило. До слуха стражников донеслись звуки расщепляемого дерева и бьющегося стекла.

– Эй, Шноббс! – загорелся Моркоу. – Да тут драка!

Шноббс быстро заглянул в дверь.

– Ясное дело, – тоном знатока отозвался он. – Это же гномий бар. Причем из самых худших. Не лезь туда, парень. Эти недорослики нечестно дерутся – подставят подножку, а потом потрошат тебе нутро. Ты Шноббса держись, уж он-то...

Он схватил Моркоу за стволообразную руку. Это было все равно как попытаться взять на буксир статую Свободы.

Моркоу побледнел как мел.

– Гномы *пьянствуют!* И *дерутся!* – Он не верил своим ушам.

– За милую душу, – подтвердил Шноббс. – И говорят такие слова, которые я не рискну произнести даже при моей дорогой матушке. С ними компанию лучше не водить, это свора ядовитых... *Ты куда?!*

Никто не знает, почему у себя дома, в горах, гномы ведут тихую, упорядоченную жизнь, но, попадая в большой город, начисто о ней забывают. Что-то находит даже на самого что ни на есть невинного, словно выкованного из чистой железной руды шахтера. Переехав в город и немедленно поменяв имя на что-нибудь вроде Загорлохвать Пинайног, гном ходит все время в боевой кольчуге, носит не менее боевой топор и каждый вечер напивается до мрачного бесчувствия.

Вероятно, это происходит *именно* потому, что у себя дома гномы ведут такую тихую, упорядоченную жизнь. Таким образом, первое, что хочет сделать внезапно очутившийся в большом городе юный гном, лет этак семьдесят вкалывавший на папашу в глубокой сырой шахте, это хорошенько набраться и набить кому-нибудь морду.

Описываемая драка была одной из тех смачных гномьих драк, которые насчитывают около сотни участников и не менее ста пятидесяти болельщиков. Крики, проклятия и звон от ударов топоров о металлические шлемы смешивались с пением пьяной компании у камина, которая – еще один гномий обычай – распевала о любимом золоте.

Шноббс с размаху врезался в спину Моркоу. Резко остановившись, юноша с нарастающим ужасом разглядывал кабак.

– Слушай, здесь так каждую ночь, – предупредил Шноббс. – Не вмешивайся, вот что говорит сержант. Это их этнические обычаи или что-то в этом роде. А в этнические разборки лучше не вступать.

– Но... но... – запинаясь, возразил Моркоу, – это ведь *мой народ*. Стыд и позор так себя вести. Что же люди-то подумают?

– Люди уже думают о них как о мелких злобных педиках, – оборвал Шноббс. – А теперь *пошли* отсюда!

Но Моркоу уже прокладывал себе путь через кучу малу. Сложив ладони чашечкой вокруг рта, он проревел что-то на неизвестном Шноббсу языке. Так можно было бы сказать о практически любом языке, включая родной язык капрала, – но в данном случае речь идет о гномьем.

– Гр’дузк! Гр’дузк! ааК’ зт езем ки бур’к тзе тзим?⁷

Дерущиеся замерли на месте. Пара сотен разъяренных глаз, глядящих с сотни круглых лиц, с досадой и удивлением воззрились на ссутулившуюся фигуру Моркоу.

Надтреснутая пивная кружка, ударившись о грудные латы Моркоу, отскочила куда-то в угол. Моркоу наклонился и без видимых усилий поднял в воздух отчаянно сопротивляющуюся и размахивающую руками фигуру.

– Й’ук, идруз-м’руд-естуза, худр’зд дезек дре-з’хук, хузурук’т б’тдуз г’ке’к ме’к б’тдуз м’би’тк ксе’дратк ке’хкт’д. ааДб’сук?⁸ Я не хочу никого шлепать, но если вы начнете играть со мной в б’тдуз⁹, я начну играть в б’тдуз с вами. О’кей?¹⁰

Ни одному из гномов в жизни не доводилось слышать такого количества слов Старого Языка из уст кого-то выше четырех футов ростом. Они были поражены до глубины души.

Отпала сотня твердых, словно высеченных из камня челюстей.

– Вы на себя посмотрите! – Моркоу покачал головой. – Можете ли вы себе представить, что ваша бедная седобородая старушка мать, работающая не покладая рук в своей крохотной норке там, на родине, думающая, как там сегодня ее сын, – можете ли вы себе представить, что она подумает, увидь она вас сейчас? Ваши любящие матери, ведь именно они подарили вам первую кирку и научили вас пользоваться ею...

Стоящий у двери Шноббс наблюдал за происходящим с ужасом и изумлением. До его ушей донесся нарастающий хор сморканий и приглушенных всхлипываний. А Моркоу тем временем продолжал:

– ...Она-то, верно, думает, что ее сынок коротает тихие вечерние часы за игрой в домино или чем-нибудь этаким...

Близидящий гном, в шлеме, покрытом, точно еж, шипами длиной в шесть дюймов, тихонько заплакал, роняя горькие слезы в свое пиво.

– И быюсь об заклад, прошло немало времени с тех пор, как кто-то из вас послал старушке матери последнее письмо, а ведь обещали писать каждую неделю...

Шноббс машинально вытащил засаленный носовой платок и передал его припавшему к стенке гному. Гномье тельце сотрясалось от рыданий.

– Ну а теперь, – добродушно заключил Моркоу, – я не хочу никого запугивать, но предупреждаю: отныне я намерен проверять это место каждую ночь и в дальнейшем рассчитываю видеть здесь поведение, достойное гордых гномов. Я знаю, что такое быть далеко от дома, однако таким безобразиям оправдания нет. – Он коснулся рукой шлема. – Г’хрук, т’у к.

Одарив всех ослепительной улыбкой, он полувышел, полувыполз из гномьего бара. Когда Моркоу наконец показался на улице, Шноббс похлопал его по руке.

– Никогда больше так не поступай, – предупредил он. – Ты ведь служишь в Городской Страже! Законом я уже сыт по горло.

– Но ведь это очень важно... – возразил Моркоу, на рысях поспешая за Шноббсом, который сворачивал в переулок.

– Куда важнее остаться целым, – перебил Шноббс. – Гномьи бары! Если у тебя осталось хоть немного мозгов, парень, ты зайдешь со мной сюда. И держи свою пасть на замке.

⁷ Букв.: «Добрый день! Добрый день! Что такое здесь (в этом месте) происходит (случается)?»

⁸ «Слушай, солнышко» (букв.: «Пристальный взор великого раскаленного глаза, чье огненное око проникает в устье пещеры»).

⁹ Популярная игра гномов, в ходе которой участники становятся в нескольких футах друг от друга и бросают камни друг другу на голову.

¹⁰ Букв.: «Несущие опоры у всех вбились?»

Моркоу уставился на здание, к которому они приближались. Оно стояло немного на отшибе от того моря грязи, которое в Анк-Морпорке зовется улицей. Изнутри доносились звуки, наводящие на мысли о крупной пьянке. Над дверью висела потрескавшаяся и заляпанная вывеска. Надпись сопровождалась изображением барабана.

– Это ведь таверна? – глубокомысленно заметил Моркоу. – И в этот час она открыта?

– Не вижу, с чего бы ей быть закрытой. – Шноббс толчком распахнул дверь. – Чертовски хорошее заведение. «Залатанный Барабан».

– Здесь тоже пьянствуют? – послынявив большой палец, Моркоу торопливо залистал свою книжечку.

– Очень на это надеюсь, – Шноббс кивнул троллю, работающему в «Барабане» в качестве отшибалы¹¹. – Привет, Детрит. Вот, показываю новенькому наши места.

Троль что-то глухо пробурчал и махнул каменистой дланью.

В наше время «Залатанный Барабан» пользуется заслуженной славой самой разнузданной таверны Плоского мира. Весьма характерен тот факт, что после недавнего, вызванного необходимостью ремонта новый хозяин таверны провел не один день за восстановлением оригинальной патины, грязи, копоти и прочих, менее поддающихся идентификации, веществ, что покрывали местные стены. Также он купил у заморских торговцев не меньше тонны предварительно сгноенного камыша, которым и устелил пол. Завсегдатаи «Барабана» представляли собой типичное сборище героев, головорезов, наемников, сорвиголов и негодяев, и лишь очень, очень внимательный наблюдатель смог бы определить, кто здесь к какой категории относится. Толстые кольца дыма плавали в воздухе – видимо, очень не хотели прислоняться к стенам. При появлении стражников разговоры несколько поутихли, но затем вернулись к прежнему уровню громкости. Два закадычных приятеля призывно замахали Шноббсу.

Тут Шноббс заметил, что Моркоу чем-то занят.

– Что это ты там затеваешь? – раздраженно осведомился он. – Никаких разговоров о матерях, ясно?

– Я делаю заметки, – строго ответил Моркоу. – Купил себе записную книжку.

– Держи билет, – Шноббс протянул ему клочок картона. – Тебе здесь понравится. Я сюда каждый вечер заглядываю, чтобы перекусить.

– А как пишется слово «противозаконный»? – спросил Моркоу, переворачивая страницу.

– Таких слов я даже и не слышал никогда, – отозвался Шноббс, прокладывая себе путь сквозь толпу. Редкий случай, словно что-то толкнуло его, и на Шноббса вдруг накатила прилив щедрости. – Что будешь пить?

– По-моему, это не слишком уместно, – поднял брови Моркоу. – И потом, Крепкие Напитки Превращают Человека В Посмешище.

Вдруг Моркоу ощутил на своей шее чей-то пронизывающий взгляд. Он оглянулся – и уставился в большое, ласковое и мягкое лицо орангутана.

Тот сидел за стойкой, перед ним стояли пинтовая кружка и миска с арахисом. Дружелюбно подняв кружку, он поприветствовал Моркоу, а затем сделал глубокий и шумный глоток – нижняя губа его свернулась в нечто вроде обхватывающей воронки и произвела звук, какой бывает при осушении канала.

Моркоу пихнул Шноббса локтем.

– Это же обезья... – начал было он.

– Заткнись! – рявкнул Шноббс. – Забудь это слово! Это же библиотекарь. Работает в Университете. Всегда заходит сюда перед сном, чтобы опрокинуть кружку-другую.

– И посетители не возражают?

¹¹ Вроде вышибалы, просто удар тролля настолько силен, что не только вышибет вас из трактира, но и отшибет вам все, что можно.

– С какой стати? – удивился Шноббс. – Он ничем не хуже остальных, сидит, выпивает, сам в драку не лезет, но если что, спуску не дает.

Моркоу вновь принялся рассматривать человекообразное. Масса вопросов настойчиво требовали ответа, как то: где эта зверюга держит деньги? Библиотекарь поймал этот взгляд, но истолковал его неверно и мягко подтолкнул в направлении юноши тарелку с арахисом.

Выпрямившись во весь свой внушительный рост, Моркоу сверился с записной книжкой. Всю вторую половину сегодняшнего дня он посвятил чтению «Законов и Постановлений». Время было потрачено не зря.

– Кто собственник, обладатель, арендатор или хозяин этого помещения? – осведомился он у Шноббса.

– Чего? – переспросил коротышка. – Хозяин? Я так думаю, сегодня тут за главного Чарли. А что?

Он указал на крупного, грузного мужчину с лицом, покрытом сетью морщин. Обладатель лица прервал свое увлекательное занятие, заключающееся в более равномерном распределении грязи по бокалам с помощью мокрой тряпки, и заговорщицки подмигнул Моркоу.

– Чарли, это Моркоу, – представил Шноббс. – Обитает у Лады.

– Ты и вправду там поселился? – удивленно поднял брови Чарли.

Моркоу прокашлялся.

– Если ты здесь главный, – громко и выразительно произнес он, – то я обязан проинформировать тебя, что ты задержан.

– Задер... что, дружок? – спокойно переспросил Чарли, не прекращая полировать бокалы.

– Задержан, – продолжал Моркоу, – по подозрению в следующих обвинениях: 1) 18 грюня или около того в месте под названием «Залатанный Барабан», расположенном на Филигранной улице, ты а) подавал или б) приказывал подавать крепкие спиртные напитки после 12 (двенадцати) часов ночи вопреки правилам работы Общественных Пивных Заведений, содержащимся в Акте от 1678 года; 2) 18 грюня или около того в месте под названием «Залатанный Барабан», расположенном на Филигранной улице, ты подавал или приказывал подавать крепкие спиртные напитки в емкостях, отличных от указанных вышеупомянутым Актом; 3) 18 грюня или около того в месте под названием «Залатанный Барабан», расположенном на Филигранной улице, ты допускал внос посетителями незарегистрированного холодного оружия с длиной лезвия, превышающей 7 (семь) дюймов, что противоречит Разделу Три вышеупомянутого Акта; и 4) 18 грюня или около того в месте под названием «Залатанный Барабан», расположенном на Филигранной улице, ты подавал крепкие спиртные напитки в помещении, очевидно не могущем быть лицензированным как приспособленное для продажи и/или потребления вышеупомянутых напитков, что также противоречит Разделу Три вышеупомянутого Акта.

Воцарилась мертвая тишина, во время которой Моркоу перелистнул страницу и продолжил:

– Также я обязан поставить тебя в известность, что намерен представить Суду Присяжных соответствующие улики, с тем чтобы они рассматривались с точки зрения предъявления обвинения по нарушению Акта об Общественных Собраниях (раздел об Азартных Играх) от 1567 года, а также Актов о Лицензированных Помещениях (Ги-Гиене) от 1433, 1456, 1463, 1465 годов, э-э, и с 1470 по 1690 год, а также... – Он глянул вбок, на библиотекаря, который мгновенно учуял опасность и, давась, торопливо осушил кружку. – Акта о Домашних и Одомашненных Животных (об Уходе и защите Оных) от 1673 года. И да здравствует Справедливость!

Последовавшая за этой тирадой пауза так и звенела от ожидания – собравшиеся, затаив дыхание, гадали, что произойдет дальше.

Чарли бережно поставил на стойку бокал, пятна на котором были размазаны до зеркального блеска, и посмотрел на Шноббса.

Шноббс пыжился изобразить, что пришел сюда совершенно один и абсолютно никаким образом не связан с личностью, стоящей рядом и по чистой случайности одетой в точно такой же мундир.

– Какой такой Суд Пристяжных? – воззрился он на Шноббса. – И вообще, разве суды еще существуют?

Шноббс испуганно поежился.

– Новенький, что ли? – нахмурился Чарли.

– Соппротивление только усугубит твою вину, – предупредил Моркоу.

– Пойми, против тебя я ничего не имею, – объяснил Чарли Шноббсу. – К нам сюда недавно один волшебник заглядывал... И рассказал нам кое о чем. О такой гнущей штучковине, которая отлично мозги вставляет. Ну, как ее... – Лицо Чарли приняло глубокомысленное выражение, словно он что-то вспоминал. – А, вот, вспомнил. Кривая усвоемости. Так вроде. Детрит, ну-ка тащи сюда свою каменную задницу.

Каждую ночь примерно в это самое время в «Залатанном Барабане» о чью-нибудь голову разбивается бутылка. И нынешняя ночь не стала исключением из правил.

Капитан Ваймс сломя голову несся по Короткой улице¹². Следом за капитаном, слабо протестуя, ковылял сержант Колон.

Шноббс, прыгая с одной ноги на другую, поджидал их возле «Барабана». Капрал Шноббс обладал уникальной способностью – в минуту опасности он мгновенно переносился из одного места в другое без видимого пересечения разделяющего их пространства. Даже телепортация не умела работать так быстро.

– Он там дерется! – заикаясь, сообщил Шноббс, хватая капитана за рукав.

– Что, один? – не понял капитан.

– Нет, со всеми сразу! – прокричал Шноббс, продолжая скакать с одной ноги на другую.

– О!

Совість подсказывает: «Вас трое. Он носит тот же мундир, что и ты. Он один из твоих людей. Вспомни беднягу Гаскина».

Но другая часть мозга, ненавидимая часть, часть презренная, но именно благодаря ей он прослужил в Городской Страже целых десять лет и был по-прежнему жив, – так вот, эта часть мозга тут же возразила: «Не стоит вмешиваться. Это невежливо. Подождем, пока он закончит, и затем поинтересуемся, не нужна ли ему помощь. Кроме того, политика Городской Стражи не одобряет вмешательство в драки. Гораздо проще появиться в самом конце и арестовать всех валяющихся на полу».

Раздался звон – из ближайшего окна, окруженный блестящими осколками, вылетел оглушенный боец и приземлился на противоположной стороне улицы.

– Думаю, – осторожно заметил капитан, – пора предпринять срочные действия.

– Это точно, – подтвердил Колон. – Стоя здесь, можно серьезно пострадать.

Двигаясь как можно тише, стражники переместились подальше от таверны. В глаза друг другу они старались не смотреть. Звуки расщепляемой древесины и разбиваемого стекла стали менее оглушительными. Периодически из таверны доносился чей-то вопль, а время от времени – загадочный тягучий звон, как будто там лупили коленом по гонгу.

Стражники стояли, погруженные в небольшой водоем неловкого молчания.

– Сержант, ты в этом году отпуск брал? – выдал наконец капитан Ваймс, раскачиваясь на каблуках.

¹² На самом деле эта улица – самая длинная во всем городе. Ее название прекрасно отражает знаменитый анк-морпоркский юмор, славящийся на весь Диск своей тонкостью и тактичностью.

– Так точно. В прошлом месяце возил жену в Щеботан, повидать тетушку.

– Я слышал, там очень хорошо в это время года.

– Так точно.

– Герании цветут небось...

Из верхнего окна вывалилась фигура и с глухим стуком рухнула на булыжник мостовой.

– У них ведь даже есть особые цветочные часы? – с отчаянием в голосе проговорил капитан.

– Так точно. Замечательная штука. Все сделано из маленьких таких цветочков.

Раздался грохот – такой бывает, когда что-то стучит по чему-то чем-то тяжелым и деревянным. Ваймса передернуло.

– Вряд ли служба в страже принесет ему *счастье*, сэр, – в тоне сержанта прозвучали нотки сочувствия.

Во время дежурных драк дверь «Залатанного Барабана» срывали с петель так часто, что недавно были установлены петли из специальным образом закаленного металла, и тот факт, что следующий сокрушительный удар вырвал дверь вместе с косяком, наглядно свидетельствовал: только что в трубу вылетели изрядные деньги. Фигура, копошащаяся в грудe обломков, попыталась приподняться на локтях, застонала и рухнула обратно.

– Н-да, похоже, это все, – покачал головой капитан.

– Вот проклятье, да это же тролль! – изумился Шноббс.

– Кто? – не понял Ваймс.

– Тролль! Детрит! Ну, который при входе сидит!

Соблюдая все возможные предосторожности, они приблизились к валяющейся на мостовой фигуре.

В самом деле, перед ними лежал отшибала Детрит собственной персоной.

Чрезвычайно трудно нанести вред существу, тело которого во всем смахивает на способную к самостоятельному передвижению скалу. Тем не менее кому-то это удалось. Полузасыпанная щепками фигура издавала стоны, напоминающие скрежет трущихся друг о друга кирпичей.

– Об этой драке напишут в книгах, – туманно произнес сержант.

Все трое разом подняли глаза и уставились на пустой четырехугольник, залитый ярким светом, – это было все, что осталось от двери.

– А вам не кажется, – высказал общую догадку сержант, – что он *побеждает!*

Капитан решительно выставил челюсть.

– Мы обязаны это выяснить, – заявил он. – Ради нашего коллеги и сослуживца.

Сзади раздалось приглушенное хныканье. Повернувшись, они увидели Шноббса, тот высоко прыгал на одной ноге, схватившись обеими руками за носок другой.

– Что с тобой, приятель? – осведомился Ваймс.

Шноббс продолжал мучительно стонать.

В голове сержанта Колона смутно забрезжила догадка. Хотя Городская Стража всегда проповедовала осторожное подобострастие, тем не менее среди стражников не было ни одного человека, который бы не испытал на себе крепость кулаков Детрита. И Шноббс, следуя лучшим традициям полицейских всего мира, только что попытался насладиться долгожданным реваншем – но, видимо, слегка не рассчитал.

– Он подошел и врезал ему по шарам, сэр, – уточнил Колон.

– Позор, – неуверенно заметил капитан. Он поколебался. – А разве у троллей *есть?*.. – любопытствовал он.

– Конечно.

– Ну и ну, – покачал головой Ваймс. – Природа-Мать иногда творит странные вещи, а?

– Так точно, сэр, – послушно согласился сержант.

- А теперь, – провозгласил капитан, извлекая меч, – вперед!
- Так точно, сэр.
- Сержант, это и к тебе относится, – добавил капитан.
- Так точно, сэр.

По всей вероятности, это наступление могло бы прослыть самым осторожным наступлением за всю историю военных маневров. Его можно было бы поставить на самое последнее место того списка, возглавляют который всякие безумные предприятия типа Атаки Легкой Бригады.

Соблюдая все возможные предосторожности, стражники просунули головы в дверной проем и осмотрели место побоища.

Энное количество драчунов растянулись на столах или на остатках оных. Те сражающиеся, кто все еще сохранял сознание, выглядели не слишком довольными этим фактом.

Посреди поля битвы возвышался Моркоу. Ржавая кольчуга была разодрана, шлем отсутствовал, а сам юноша слегка покачивался из стороны в сторону. Один глаз у него уже начал распухать, но Моркоу узнал капитана, уронил слабо протестующего завсегдатая «Барабана», которого в этот момент держал, и отдал честь.

– Докладываю, сэр: тридцать один случай Нарушения Общественного Спокойствия, сэр, а также пятьдесят шесть случаев Буйного Поведения, сорок один случай Сопротивления Офицеру Городской Стражи при Исполнении Им Служебных Обязанностей, тринадцать случаев Нападения с Использованием Смертоносного Оружия, шесть случаев Преступного Невмешательства и... и... Капрал Шноббс пока еще не ввел меня в курс дела...

Он опрокинулся, сломав стол.

Капитан Ваймс прокашлялся. Он понятия не имел, что делать дальше. Насколько ему было известно, до сих пор Городская Стража ни разу не оказывалась в подобной ситуации.

– По-моему, следует дать ему выпить, сержант, – распорядился он.

– Так точно, сэр.

– И мне тоже принеси.

– Так точно, сэр.

– И сам выпей, почему бы и нет.

– Так точно, сэр.

– А ты, капрал, не соизволишь ли... чем ты там занимаешься?

– Обыскиваю подозреваемых сэр, – быстро отрапортовал Шноббс, выпрямляясь. – На предмет инкриминирующих улики и все такое.

– Ты ищешь эти улики в их кошельках?

Шноббс быстро спрятал руки за спиной.

– Улики могут быть везде, сэр.

Сержант отыскал в развалинах стойки чудесным образом уцелевшую бутылку и влил значительную часть ее содержимого в рот Моркоу.

– Что будем делать со всей этой оравой, капитан? – спросил он через плечо.

– Не имею ни малейшего понятия, – вздохнул Ваймс, усаживаясь.

Тюрьма Городской Стражи могла вместить в себя максимум шестерых узников – и то они должны были быть небольшого роста и крайне щуплыми – впрочем, именно такие там и оказывались. В то время как эти...

В отчаянии он огляделся. Здесь и Норк Пронзила, валяется под столом и пускает пузыри. И Большой Генри. И Хватала Симмонс, один из свирепейших кабацких громил во всем городе. В общем и целом, когда эти – и прочие – завсегдатаи очухаются, рядом с ними лучше не находиться.

– Можно перерезать им глотки, сэр, – подал идею Шноббс, ветеран постбатальных наступлений.

Он как раз нашел пребывающего в бессознательном состоянии участника сражения и сосредоточенно стаскивал с него ботинки, на вид совсем новые и подходящего размера.

– По-моему, это будет немножко несправедливо, – покачал головой Ваймс.

Честно говоря, он и не знал, как практически подходить к перерезанию глоток. Прежде такой возможности ему никогда не предоставлялось.

– Нет, – наконец решил он. – Мне кажется, правильнее будет предупредить их и отпустить на все четыре стороны.

Из-под скамьи послышался стон.

– Кроме того, – поторопился добавить Ваймс, – нужно как можно скорее доставить нашего пострадавшего товарища в безопасное место.

– Это верно, – согласился сержант.

Чтобы поддержать расшатавшиеся нервы, он сделал подкрепляющий глоток из бутылки.

Они подхватили Моркоу под руки и поволокли вверх по лестнице, ноги героя заплетались и цеплялись за ступеньки. Ваймс, пригибаясь под тяжестью юного тела, окинул взглядом помещение в поисках Шноббса.

– Капрал Шноббс, – задыхаясь, проскрежетал он, – почему ты пинаешь лежачих?

– Так оно безопаснее, – честно ответил Шноббс. Шноббсу уже давно и не раз говорили, что драться надо честно и побежденного противника не бьют, просто он творчески подходил к вопросам применения этих правил, чему немало способствовал его рост – четыре фута в башмаках на высоком каблуке – и мускулы, смахивающие на тонюсенькие резиночки.

– Кончай, я тебе говорю. В общем, мы пошли, а ты сделай этим уголовникам предупреждение.

– Каким образом, сэр?

– Ну, в общем...

Капитан Ваймс прервался. Провалиться ему сквозь землю, если он знает. Он ведь никогда этого не делал.

– Просто сделай предупреждение, и все, – отрезал он. – Надеюсь, я не должен разъяснять тебе всякие пустяки?

Шноббс остался на лестнице один. Доносившиеся с пола стоны и бормотание служили явным признаком того, что участники потасовки начинают пробуждаться к жизни. Шноббс соображал быстро. Он предостерегающе потряс пухлым, похожим на сардельку пальцем.

– Пусть это послужит вам уроком, – сделал предупреждение он. – *Никогда большие так не делайте.*

И со всех ног бросился прочь.

Сидящий в сумраке строил библиотекарь задумчиво почесался. Жизнь полна неожиданностей, это уж точно. И он будет с интересом следить за развитием событий. Задумчиво расколов ногой орех, библиотекарь исчез во мраке.

Верховный Старший Наставник воздел руки к небу.

– Подвергнуты ли ритуальному наказанию Кадила Рока, дабы изгнать из Освященного Круга Зло и Мысли Праздные?

– Ага.

Верховный Старший Наставник опустил руки.

– Ага? – переспросил он.

– Ага, – счастливым голосом сообщил брат Туговотс. – Я лично их подверг.

– Следует отвечать: «Да, о Верховный», – наставительно поправил Верховный Старший Наставник. – Честно говоря, я повторял это достаточно часто, и если вы, братья, не намерены вникать в дух...

– Прочисти уши и слушай, что тебе толкует Верховный Старший Наставник, – вставил брат Сторожевая Башня, яростно сверкнув взором на заблудшего брата.

– Да я целую ночь не спал, наказывая эти кадила, – обиженно пробормотал брат Туговотс.

– Продолжайте, о Верховный Старший Наставник, – почтительно произнес брат Сторожевая Башня.

– Хорошо, в таком случае я продолжу, – кивнул Наставник. – Сегодня вечером мы еще раз поэкспериментируем с вызовом дракона. Полагаю, вы достали подходящее сырье, братья?

– ...*Тер их, тер, и никакой тебе благодарности...*

– Все в порядке, Верховный Старший Наставник, – заверил брат Сторожевая Башня.

На этот раз, признал Верховный Старший Наставник, улов был несколько лучше. Братья, безусловно, постарались. Особо Наставник отметил светящуюся магическую вывеску – какие-то горожане, подумал Наставник, наверняка сейчас радуются исчезновению этой яркой хреновины, которая вечно шипела и не давала по ночам спать. В данный момент буква «И» была призрачно-розового цвета и периодически мерцала.

– Это я ее добыл, – горделиво заявил брат Сторожевая Башня. – Они думали, я вроде как чиню ее, но я взял отвертку и...

– Да, да, отличная работа, – похвалил Верховный Старший Наставник. – Инициатива налицо.

– Благодарю, Верховный Старший Наставник, – просиял брат Сторожевая Башня.

– ...*Все костяшки стер до мяса, все красные, даже потрескались. Да и мои три доллара, они ведь тоже пропали, а никто даже и не поблагодарит...*

– А теперь, – провозгласил Верховный Старший Наставник, беря в руки книгу, – приступим. Брат Туговотс, пожалуйста, заткнись, а?

В каждом городе множественной вселенной имеется район, напоминающий анк-морпоркские Тени. Как правило, это самый старый район, улочки и закоулки которого верно следуют изначальным путям бредущих на водопой средневековых коров, а их названия звучат как Убойный тупик, Трущобный переулок, Ухайдачная аллея...

Большая часть Анк-Морпорка устроена именно так. Но Тени переплюнули все прочие кварталы, став чем-то вроде черной дыры возвращенного на жирном навозе беззакония. Скажем проще: даже преступники боялись ходить по этим улицам. Что касается Городской Стражи, то ее нога и вовсе на них не ступала.

Но в данный момент ее нога случайно на них ступила. Правда, не очень уверенно. Ночка выдалась нелегкая, и стражники успокаивали нервы. До Теней они добрались настолько спокойными, что, пересчитав друг друга, дружно решили, что такой толпе ничто не угрожает.

Капитан Ваймс вернул бутылку сержанту.

– Стыд-д-... – он поразмыслил, – ... дись, – договорил он. – П-пить на глазах у ст... стр... стршего афцера.

Сержант сделал попытку ответить, но сумел выдать лишь серию икающих «ткт-чно».

– Пр... примм... примми н-сбя команадование, – отдал приказ капитан Ваймс, отскакивая от стенки. Он смерил наглуую кладку испепеляющим взором. – Эта стена оскорбила меня, – объявил он. – Ха! Думаеш, такая прочная, да? Слуш, я служитель этого, ну этого, как его... Закона, я зставлютбяпнять, мы никогда не спускаем... не пускаем... не отпускаем...

Он медленно заморгал.

– Чего мы никогда не спускаем, с-ржант? – решил уточнить он.

– Воров с лестницы? – пришел на помощь Колон.

– Нет, нет, нет. Другая вещь. Лана, забудь. Короче, мы никогда не спускаем этих... этих... этих *штук* никому.

По его сознанию рысью неслись неясные образы. К примеру, был среди них образ комнаты, полной преступных типов, людей, которые насмеялись над ним, людей, само существование которых в течение многих лет было для него оскорблением и издевательством, но сейчас все они валялись на полу и стонали. Он сам не совсем понимал, как все это произошло, но некая почти забытая часть капитана Ночной Стражи, молодой Ваймс в ярких сверкающих латах и с большими надеждами, тот самый Ваймс, который, как он считал, давно утонул в алкоголе, внезапно пробудился к жизни и поднял голову.

– Ск... скз... скзать тебе кое-что, сержант? – разразился он.

– Сэр?

Вся четверка мягко отпружинила от очередной стены и начала следующий тур своего крабообразного вальса по переулку.

– Эт' город. Эт' город. Эт' город, сержант. Этот город – это, ну, того... Женщина, сержант. Вот так-то. Женщина, сержант. Древняя, пьяная в доску, потасканная красавица, сержант. Красотавоторуюлюбляешься, а потом, потом, потом онадаеттебепинкавзубы... Или в гортань.

– Как это женщина? – уставился на него Колон.

Истекающее потом лицо сержанта все перекошилось от мозгового усилия.

– Это ж восемь миль в ширину, сэр. Еще и река. Много всего, домов и всякого другого, сэр, – справедливо заметил он.

– Э. Э. Э. – Ваймс помахал дрожащим пальцем перед носом у сержанта. – Никогда, никогда, никогда не утверждал, что это *маленькая* женщина. Честно, ведь не говорил же?

Он помахал бутылкой. Пена его мыслей взорвалась еще одной неизвестно откуда взявшейся мыслью.

– Но мы всрвно им показали! – возбужденно воскликнул он, когда все четверо начали косою откат к противоположной стене. – Мы ведь задали им жару? Научили так, что этот урок они не скоро збудут, э-э?

– Этточно, – согласился сержант, но без особого энтузиазма.

Он по-прежнему размышлял над особенностями личной жизни своего непосредственного начальника.

Но Ваймс пребывал в том настроении, когда в подбадривании не нуждаешься.

– Ха! – проорал он в темноту переулков. – Что, не нравится? Жрите эту вашу, вашу, вашу, как ее там... в общем, что хотите, то и жрите! Прячьтесь по своим домишкам, трусы!

Он запустил в воздух пустую бутылку.

– Два часа! – проорал он. – И все споко-о-о-ойно!

Для нескольких теней, изрядное время молчаливо маячивших неподалеку от четверки, эта новость была весьма поразительной. Только чистое остолбенение помешало им проявить свой интерес в более откровенной форме. Эти люди, сразу видно, стражники, подумали тени, шлемы и все остальное у них на месте, только с какой стати они околачиваются тут, в самом опасном районе Анк-Морпорка? Так что они продолжали наблюдать – с зачарованностью стаи волков, не сводящих глаз с кучки овец, которые мало того что сами притрусили на полянку посреди густого леса, так еще игриво бодаются и блеют. В итоге, разумеется, все равно получится баранина, однако покамест по причинам сильного любопытства расправа откладывалась.

Моркоу одурело поднял голову.

– Где мы? – простонал он.

– Идем домой, – просветил его сержант.

Он перевел взгляд на испещренную дырками от арбалетных стрел, изъеденную червями и исполосованную ножами надпись прямо у них над головами.

– И мы идем прямо, прямо, прямо... – он скосил глаза, – по переулку Нежности.

– Переулок Нежности – это не домой, – кисло пробурчал Шноббс. – В переулке Нежности нам делать нечего, это в Тенях. Если нас застукают, как мы гуляем по переулку Нежности...

Наступил напряженный момент, в течение которого осознание реальности совершило отрезвляющую работу хорошего ночного сна или нескольких пинт черного кофе. Все трое словно по молчаливой договоренности сгрудились вокруг Моркоу.

– Что будем *делать*, капитан? – высказал общую мысль Колон.

– Э-э... Позовем на помощь, – неуверенно предложил капитан.

– *Здесь?*

– Согласен, не стоит.

– Как мне кажется, мы, должно быть, с Серебряной улицы повернули налево, а надо было направо, – дрожащим голосом пролепетал Шноббс.

– Что ж, это была ошибка, и теперь главное не торопиться, чтобы не допустить еще одну, – громко отчеканил капитан. И тут же пожалел об этом.

Послышались звуки шагов. Где-то слева от них захихикали.

– Мы должны образовать квадрат, – отдал распоряжение капитан.

Все попытались образовать точку.

– Эй! Что это было? – нарушил молчание сержант Колон.

– Что?

– Вот, сейчас опять. Какой-то кожаный звук.

Капитан Ваймс попытался отогнать мысли о капюшонах и убийствах посредством удушения.

Насколько ему было известно, существует много богов. У каждого ремесла есть свой бог. Есть бог попрошаек, богиня проституток, бог воров, может, даже бог убийц из-из угла.

Но интересно, существует ли в этом огромном пантеоне бог, который бросил бы милосердный взгляд на преследуемых и вполне невинных слуг закона, явно находящихся на грани гибели?

Наверное, нет такого, с горечью подумал Ваймс. Людишки вроде них недостаточно *стильны* для богов. Попробуй-ка найти бога, который станет беспокоиться о бедолаге, выбиваемом из сил ради жалкой кучки долларов в месяц. Нет, это не для богов. Они снисходят со своих вершин ради хитрого проныры, шляющегося по храмам и тырящего всякие драгоценности, но не ради лишенного воображения трудяги, который каждую ночь топчет городские мостовые.

– Опять зашуршало. Точно, что-то кожаное... – уточнил сержант, любивший называть вещи своими именами.

А затем раздался звук...

...Похожий на шум от извержения вулкана или кипящего гейзера; так или иначе, это был долгий, скрежещущий *рев*, подобный которому издают мехи в кузнице титанов...

...И все же это было лучше, чем последовавший затем свет, бело-голубой и такой пронзительный, что рисунок кровеносных сосудов сетчатки отпечатывается на внутренней поверхности затылка.

И свет, и звук длились и длились. Пока внезапно все не закончилось.

Черная пауза заполнилась багровыми образами и легким стеклянным позвякиванием – когда к ушам вернулась способность слышать.

Некоторое время стражники сохраняли абсолютную неподвижность.

– Ну вот, – слабо пробормотал капитан.

После еще одной паузы он приказал – предельно четко и ясно произнося согласные, словно опуская в щель монеты:

– Сержант, возьмите несколько человек и разберитесь.

– Разобраться в чем, сэр? – переспросил Колон, но к этому времени до капитана дошло, что если сержант возьмет несколько человек, то он, капитан Ваймс, останется в полном одиночестве.

– Нет, у меня есть идея получше. Пойдем все вместе, – твердо заявил он.

И они пошли.

Теперь, когда их глаза привыкли к темноте, они различали впереди туманное красное свечение.

Оказалось, что это стена, быстро остывающая. Сжимаясь при охлаждении, от кладки с легким гудением отпадали оплывшие кусочки камня.

Но не это было самое худшее. Самое худшее было на стене.

Они воззрились на это.

Они смотрели на это долго.

До рассвета оставалось не больше пары часов, и никому даже в голову не пришло пытаться найти обратную дорогу в темноте. Они ждали около стены. По крайней мере от нее исходило тепло.

На стену они старались не глядеть.

В конце концов Колон неловко потянулся и произнес:

– Выше нос, капитан. Могло быть и хуже.

Ваймс прикончил бутылку. Это не возымело никакого эффекта. Есть такой тип трезвости, с которым ничего нельзя поделать.

– Да, – отозвался он. – На их месте могли оказаться мы.

Верховный Старший Наставник отверз очи.

– Еще раз, – произнес он, – мы добились определенного успеха.

На братьев напала буйная веселость. Братья Сторожевая Башня и Палец, взявшись за руки, с энтузиазмом отплясывали джигу прямо в магическом круге.

Верховный Старший Наставник набрал в грудь побольше воздуха.

Сначала пряник, подумал он, а потом кнут. Лично он предпочитал работать кнутом.

– Молчать! – рявкнул он.

– Брат Палец, брат Сторожевая Башня, немедленно прекратите это постыдное дерганье, – сурово одернул он. – И все остальные, немедленно заткнуться!

Они притихли, как разгалдевшиеся дети, которые только что заметили вошедшего в класс учителя. Затем они притихли еще больше – дети заметили *выражение лица* учителя.

Верховный Старший Наставник предоставил впечатлению закрепиться, после чего прошептал вдоль неровных рядов своих приверженцев.

– Насколько я вижу, – произнес он, – мы сочли, будто сделали что-то волшебное, а? *М-м-м*, брат Сторожевая Башня?

Брат Сторожевая Башня судорожно сглотнул.

– Ну, э-э, в общем, господин, вы вроде как *сказали*, что сделали, господин. То есть, э-э...

– *Вы пока что не сделали НИЧЕГО!*

– Да, Наставник, нет, Наставник, – затрепетал брат Сторожевая Башня.

– Разве *настоящие* волшебники скачут от восторга по поводу каждого крошечного заклинания, восклицая: «Оле, оле, оле!» *М-м-м*, брат Сторожевая Башня?

– Ну, мы были вроде как...

Верховный Старший Наставник круто развернулся на каблуках.

– И разве волшебники рассматривают потом стены, опасаясь, не вылезет ли кто оттуда? А, брат Штукатур?

Брат Штукатур повесил голову. Он думал, никто не заметил.

Когда напряжение достигло удовлетворительного градуса, так что воздух загудел, словно натянутая струна, Верховный Старший Наставник вернулся на прежнее место.

– Зачем я все это делаю? – спросил он, качая головой. – Я имел возможность остановить свой выбор на *ком угодно*. Я мог бы выбрать *лучших*. А вместо этого вожусь с горсткой *младенцев*.

– Ну, если честно, – осмелился подать голос брат Сторожевая Башня, – мы пытались, я хочу сказать, мы действительно концентрировались. Правда, парни?

– Да, – хором поддержали остальные.

Верховный Старший Наставник воззрился на них пылающим взором.

– Каждый брат должен стоять до последнего. Иначе – вон из братства, – предостерег он.

С почти видимым глазу облегчением братья, словно впавшие в панику овцы, увидевшие, что загон наконец открыли, галопом ринулись к выходу.

– Уж об этом-то не беспокойтесь, ваша верховность, – пылко заверил брат Сторожевая Башня.

– Преданность – вот наш лозунг! – сурово произнес Верховный Старший Наставник.

– Лозунг. Ага, – повторил брат Сторожевая Башня.

Он подпихнул локтем брата Штукатура, чьи глаза вновь принялись блуждать по плинтусу.

– Чего? А! Угу. Лозунг. Он самый, – проснулся брат Штукатур.

– А также доверие и братство, – добавил Верховный Старший Наставник.

– Ага. И они тоже, – отозвался брат Палец.

– *Итак*, – грозно произнес Верховный Старший Наставник, – если есть здесь кто-то, кто не жаждет, да, тот, кто *не рвется* всей душой продолжать великое дело, пусть такой человек немедленно выйдет вперед.

Ни один из братьев не шевельнулся.

«Они на крючке. О боги, я и вправду хорош, – подумал Верховный Старший Наставник. – Я могу играть на их жалких умишках, точно на ксилофоне. Она поразительна, эта сила низменного. Кто бы мог подумать, что слабость может оказаться большей силой, чем сама сила? Но ее тоже нужно уметь направлять. И я это умею».

– Что ж, в таком случае, – он обвел собрание величественным взором, – повторим Клятву.

И он повел этот хор запинаящихся, дрожащих от ужаса голосов, с одобрением отметив удушечность, с которой они произнесли загадочное слово «фиггин». А еще он старался не спускать глаз с брата Пальца.

«Этот слегка умнее, чем прочие, – думал он. – Менее доверчив и так далее. Надо взять на заметку и всегда последним покидать залу. А предложения типа проводить меня до дому сразу отметить».

Чтобы управлять городом, подобным Анк-Морпорку, нужно обладать особым складом ума, и лорд Витинари им обладал. Патриций вообще был выдающейся личностью.

Он неоднократно дурачил и приводил в ярость основных купцов и торговцев Анк-Морпорка, но достиг в этом таких высот, что они уже давным-давно отказались от всяких попыток убить его и теперь занимались тем, что боролись за место под солнцем исключительно друг с другом. И все равно, даже если бы и нашелся смельчак, попытавшийся покуситься на жизнь патриция, ему пришлось бы изрядно попотеть, выскивая участок плоти достаточно большой, чтобы туда можно было вонзить кинжал.

Другие господа ублажали себя жаворонками, фаршированными павлиньими языками, но лорд Витинари всегда считал, что стакан кипяченой воды с ломтиком черствого хлеба – это элегантно и сытно.

И это отчасти бесило. Казалось, у патриция нет ни одного видимого порока. При взгляде на его бледное лошадиное лицо в голову лезли всякие мысли о склонности к темным делишкам с участием кнутов, иголок и женщин в темницах. Прочая знать только оценила бы это. Нет ничего плохого в кнутах и иголках, главное – умеренность. Но патриций коротал вечера за изучением докладов, иногда позволяя себе такое волнительное переживание, как игра в шахматы.

Ходил он большей частью в черном. Однако это не был тот впечатляющий черный цвет, характерный для одежды наемных убийц; скорее, то был трезвый, слегка потертый черный цвет, выбранный человеком, который не хочет попусту тратить время по утрам, размышляя, что сегодня надеть. И чтобы поймать патриция за завтраком, вам пришлось бы подняться очень рано; фактически лучше было бы и вовсе не ложиться.

Однако лорд Витинари пользовался популярностью – хоть и своеобразной, но популярностью. Под его правлением впервые за тысячу лет Анк-Морпорк *функционировал*. Нельзя сказать, что правление это было особо справедливым или демократичным, зато все работало. Лорд Витинари ухаживал за городом, как ухаживают за кустом в английском парке, там поощряя рост, здесь отстригая лишнюю веточку. Говорили, что патриций терпим абсолютно ко всему, за исключением всего, что угрожает городу¹³, и вот она, угроза...

Лорд Витинари долго не отрывал взгляда от полуразрушенной стены; дождевые капли стекали по его подбородку и пропитывали одежду. Сзади нервно витал Воунз.

Затем вперед вытянулась длинная, худая, в голубых венах рука, и кончики пальцев коснулись теней.

Скорее даже не теней – это больше напоминало ряд силуэтов. Очертания были очень отчетливыми. Кое-где виднелась привычная кирпичная кладка. Однако что-то ужасное расплавило стену, превратив кирпич в довольно приятное на вид керамическое вещество и придав поверхности древних камней мягкую зеркалоподобность.

Контуры, отпечатавшиеся на кладке, выразительно изображали шестерых человек, застывших в удивленных позах. Разнообразно вздетые руки сжимали то, что раньше было ножами и абордажными саблями.

Патриций молча перевел взгляд вниз, на кучку пепла под ногами. Капли расплавленного металла вполне могли быть тем самым оружием, очертания которого теперь красовались на стене.

– Гм-м, – произнес он.

Капитан Ваймс почтительно провел его через переулок на аллею Скорой Удачи, где продемонстрировал Вещественное Доказательство № 1.

– Отпечатки ног, – прокомментировал он. – Если можно так выразиться, ваша милость. Потому что это скорее походит на отпечатки лап. А если заглянуть в самую суть, то можно даже сказать, что у этих лап были громаднейшие когти.

Патриций молча разглядывал отпечатавшиеся в грязи следы. Лицо его оставалось практически непроницаемым.

– Понятно, капитан, – наконец произнес он. – И каковы твои мысли по поводу случившегося?

Мыслей у капитана хватало. Часы, остававшиеся до рассвета, тянулись очень долго, и он успел о многом подумать – начать с того, что первую большую ошибку он совершил, когда появился на свет...

¹³ И артистов-мимов. Необъяснимая антипатия, но факт остается фактом. Всякий человек в мешковатых штанах и с выбеленным лицом, попытавшийся продемонстрировать свое искусство в пределах Анк-Морпорка, очень скоро оказывался в глубокой яме со скорпионами; причем на одной из стен ямы масляной краской было написано: «Почуйся говорить».

Но затем в Тени просочился серый рассвет, а капитан Ваймс все еще оставался живым и незажаренным; он принялся озираться вокруг с выражением идиотского облегчения – и увидел всего в ярде от себя эти самые отпечатки. И ему ужасно захотелось выпить.

– В общем-то, ваша милость, – начал он, – мне известно, что драконы вымерли тысячу лет назад, но...

– Да? – Глаза патриция превратились в щелочки.

Ваймс глубоко вздохнул и нырнул в воду с головой:

– Но, ваша милость, все дело в том... А им самим это известно? Сержант Колон утверждает, что слышал какой-то кожаный звук, и это случилось перед самым, перед самым, перед самым, э... правонарушением.

– Значит, вы считаете, что вымерший, а значит, скорее всего, абсолютно мифический дракон залетел в город, приземлился в узком переулке, кремировал группу преступников и улетел? – осведомился патриций. – Какой сознательный ящер, а?

– Ну, честно говоря...

– Если память мне не изменяет, легендарные драконы предпочитали жить там, где их никто не беспокоил, стало быть, в сельской местности, они избегали людей и обитали в проклятых, труднодоступных местах, – прервал его патриций. – Вряд ли их можно назвать *урбанистическими* созданиями.

– Конечно, ваша милость, – подтвердил капитан, подавив просившееся на язык замечание насчет того, что характеристика «проклятое, труднодоступное место» как нельзя лучше подходит Теням.

– Кроме того, – продолжал лорд Витинари, – этого дракона кто-нибудь обязательно заметил бы. А, как ты считаешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.